

18+

Наталья Лун

РАЗВОД

Я НЕ ПРЕДАМ СЕБЯ

Натали Лин

Развод. Я не предам себя

«Автор»

2026

Лин Н.

Развод. Я не предам себя / Н. Лин — «Автор», 2026

— Па-а-па! Выше! — заливисто визжит девочка в розовом комбинезончике.
— Максим, осторожнее. Она же твоя дочь, вдруг упадёт.— Не переживай, любимая, я её удержу, — с гордостью заявляет мой муж незнакомой девушке, пока я пытаюсь осознать происходящее. Два дня назад я искренне утешала женщину, разбитую из-за любви её дочери к женатому мужчине. А теперь я смотрю на своего мужа и понимаю, что рассказанная история была не просто исповедью. Это была подготовка к удару в самое сердце моего брака.

© Лин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 9.1	27
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	34
Глава 13	36
Глава 14	39
Глава 15	42
Глава 16	45
Глава 17	48
Глава 18	51
Глава 19	54
Глава 20	57
Глава 21	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Натали Лин

Развод. Я не предам себя

Глава 1

Алиса

Снег. Он валит с неба безостановочно. Крупными хлопьями, которые всегда вызывали у меня восторг и улыбку. Это всегда было чем-то из детства. Чем-то теплым и радостным, но не сегодня.

Я сижу в машине и смотрю. Смотрю, как дворники монотонно смахивают хлопья со стекла. Чистят обзор всего на секунду, и тут же его заносит.

Туда-сюда. Туда-сюда.

Но мир за стеклом уже потерял свой звук. Я не слышу рокота двигателя, не слышу, как работает печка. Только шум собственной крови в ушах. Глухой, нарастающий гул. Я смотрю сквозь лобовое стекло, но картинка... она абсолютно четкая несмотря на снег. Она не меняется, сколько бы раз дворники не сметали снег. Она остается неизменной. Она отпечаталась у меня в сознании.

Максим. Мой муж. В три часа дня в пятницу. Он должен быть на встрече с инвесторами, я точно помню, он сам вчера сказал, чтобы я не ждала его к ужину.

“Совещание будет долгим, Алис. Не жди меня к ужину. Кто знает, может, я приеду далеко за полночь?”

Долгим. Не жди.

Я смотрю прямо перед собой и теперь понимаю, где он задерживается.

Он стоит под козырьком подъезда нового, элитного дома, того самого, про который он в прошлом году говорил:

“Здесь цены взлетят, надо брать”.

Не взяли. Не получилось с ипотекой. Процент взлетел как раз за пару дней до того, как мы собирались ее оформить, и мы решили подождать. Немного подкопить.

А он, видимо, решил все же купить. Правда, не нам. Кому-то другому.

Дворники скользят туда-сюда. И картинка снова четкая.

Он держит на руках маленькую девочку. Лет трёх. Розовый комбинезон, как у конфетки. На шапке два дурацких и до слез отвратительно-милых помпона. Он подбрасывает ее вверх. Она визжит. Я приоткрываю окно. Снег залетает в салон, но это такая мелочь.

Она кричит так, что у меня всё внутри обрывается и падает куда-то в темноту.

— Па-а-па! Ещё! Выше! — смеется она.

Папа. Она говорит это ему. Моему мужу.

Рядом с ними стоит женщина. Молодая. Да что там женщина — девушка. Ему тридцать восемь. Ей, глядя со стороны, от силы около тридцати. Длинные светлые волосы, уложенные в идеальные локоны, прикрытые капюшоном. Дорогая, кажется, норковая шуба в тон его шарфу. Она не просто стоит. Она светится и что-то ему говорит.

Вся сплошное обожание, преданность, счастье. То, что, как мне казалось, я когда-то ловила в своём отражении, глядя на него. Она смотрит на него и на эту малышку, как на самое большое чудо в своей жизни.

Он опускает девочку, но она не убегает, а цепляется за его ногу, как маленькая обезьянка. Девушка подходит к нему. Поправляет шарф.

Её движение небрежно-интимное, привычное, словно отточенное годами. Она целует в щеку. Легко, воздушно. Он улыбается, что-то говорит. Его губы растягиваются в той самой улыбке, которая когда-то заставляла мое сердце биться чаще. А теперь оно просто замерло.

Дворники со скрипом елозят туда-сюда.

Она тянется к нему снова. Не для дружеского "чмока". Она кладет ладони ему на грудь, приподнимается на носках. И целует. Уже не в щеку. Она целует моего мужа в губы. На улице. Среда бела дня. Под падающим снегом, который, кажется, должен был остановить это.

Но снег падает. А его знакомые, сильные руки, которые я знаю каждым суставом, опускаются ей на талию. Он притягивает ее ближе. Отвечает на поцелуй. Наклоняется к ней. Впивается в ее губы с полной самоотдачей. Он поглощен. Он не видит ни снега, ни этого подъезда, ни моего чёрного кроссовера, припаркованного в полусотне метров. Он не видит ничего, кроме неё.

Вот оно. Доказательство. Не смс в телефоне, не духи на рубашке, не задержки до полуночи. А вот это. Живая, трехмерная, цветная картина его предательства. Со звуком. Со светом. С продолжением.

Мышцы ног и рук срабатывают сами. Я толкаю дверь. Ледяной воздух врывается в салон, сбивая с меня оцепенение. Я выхожу. Снег сразу попадает за воротник пальто, тает на коже холодными, противными каплями.

Отлично. Это возвращает в реальность. Не в ту, что была тридцать минут назад, с планами на ужин, с мыслями, не забыть купить сыну новые наушники. А в эту. Суровую, колючую, беспощадную. В реальность, где я не Алиса, успешный психолог с уютным домом и любимой семьёй. В реальность, где я жена, которую только что публично и с жестокой наглядностью предали.

Нога проваливается в снег, но я все равно иду. Не бегу. Иду медленно, будто по тонкому льду. Каждый шаг отдаётся в висках. Они всё ещё не замечают меня.

Девочка отвлекается первой. Она смотрит в мою сторону. Её большие, доверчивые глаза встречаются с моими. И она, эта кроха, плод любви моего мужа к другой женщине, вдруг улыбается мне. Широкой, беззубой, солнечной улыбкой. Она машет мне ручкой в розовой варежке.

Привет, тётя. Смотри, какой у меня папа, — говорят ее глаза.

У меня перехватывает дыхание.

Женщина, следуя её взгляду, оборачивается. Её улыбка замирает, потом медленно сползает с лица. В её глазах мелькает паника, растерянность, а потом странная, виноватая решимость. Она прижимает девочку к себе, делает шаг назад.

Он отрывается от неё, от этого поцелуя, который, кажется, длился вечность. Его взгляд скользит по парковке, находит мою фигуру. Я вижу, как меняется его лицо. Сначала лёгкая досада, будто его отвлекли от важного дела. Потом мгновенное узнавание. Глаза расширяются. В них вспыхивает чистейший, животный ужас.

Он бормочет что-то девушке, резким движением ставя её за свою спину, как будто я несущая в себе угрозу. Как будто я здесь чужая. Как будто я ворвалась в их идиллию.

И потом щелчок. Ужас сменяется холодной, железной собранностью. Лицо человека, который попал в катастрофу и уже начал выискивать пути отхода.

Я подхожу ближе. Теперь между нами метров десять. Снег хрустит под моими сапогами. Звук невероятно громкий в этой давящей тишине.

— Алиса..., — начинает он. Его голос хриплый. Он поднимает руку, будто хочет меня остановить, успокоить, но уже слишком поздно.

Глава 2

День назад

Алиса

Мой последний приём на сегодня. В кабинет входит Тамара Ивановна, новая клиентка. Я не хотела записывать ее на и без того тяжелый день, но она очень настаивала. Плакала в трубку. Просила принять ее и я сдалась.

— Здравствуйте, Алиса Семеновна, — шепчет она, и от нее с порога веет таким отчаянием, что воздух сгущается.

Ей всего пятьдесят лет, но выглядит она намного старше. Сгорбленные плечи, темное, потухшее лицо. И глаза. Заплаканные, опухшие, красные, будто она не спит несколько суток. Она едва опускается в кресло, как у неё начинают трястись сложенные на коленях руки. Пальцы теребят потрепанный ремешок сумки.

— Алиса Семеновна, я не знаю, что делать..., — ее голос срывается на первом же слове. Она сглатывает, пытаясь собраться. — Моя дочь... У нее ребенок от женатого мужчины. Уже три года. Он всё живёт на две семьи, и этот... этот человек даже разводиться не собирается!

Она выпаливает это, словно давно держала в себе и наконец ее прорвало. Слёзы текут по ее щекам, но она их даже не вытирает. Вместо этого она пристально смотрит на меня.

— Он губит и мою дочь, и жену свою, и ребёночка маленького. Три годика. Это же совсем кроха, а там... у него и его жены неизвестно, есть ли тоже дети. А вдруг там младенец? Или инвалид? Это же ужас. А я свою дочь никак не могу вразумить. Говорю: уходи, не жди, не разведется он. Хотел бы так давно бы сделал это. А она никак. Сердце болит за неё, сил нет. Она же сама потом страдать будет. Всю жизнь испортит. И себе, и ему и всем остальным.

Внутри меня ёкает острое профессиональное сочувствие, наложившиеся на личный, почти суеверный страх. Мое воображение, тут же рисует картинку: я на месте той жены. Незнакомка с ребёнком. Максим, разрывающийся между двумя домами. Лёгкая тошнота подкатывает к горлу.

Представь, если б Максим..., — проносится в голове чёрной искрой, но я резко, почти физически отгоняю эту мысль. Непрофессионально. Нельзя.

Я делаю глубокий, медленный вдох, позволяя своей тренированной реакции взять верх. Моя задача — быть для этой женщины главной поддержкой и опорой, а не проигрывать свои гипотетические кошмары в голове.

— Тамара Ивановна, — начинаю я, и мой голос звучит спокойно. — Спасибо, что доверились. Давайте для начала просто подышим. Вместе. Глубокий вдох... и медленный выдох. Еще раз.

Она покорно, как ребенок, начинает дышать, всхлипывая на выдохе. Через пару минут дрожь в ее руках чуть стихает.

— Вы рассказали самое главное, — продолжаю я. — И я слышу, как вам больно. Как страшно за дочь. Но давайте разберемся в ситуации. Ваша дочь взрослый человек. Совершеннолетняя, как я понимаю.

— Двадцать семь лет, — шепчет она.

— Хорошо. Ее выбор, даже если он причиняет вам невыносимую боль, мы с вами не можем отменить. Мы можем только принять этот факт. Как данность. Прямо сейчас, в этой комнате, давайте попробуем это сделать. Не одобрить, а принять. Как погоду за окном. Сейчас идёт снег. Мы не можем его остановить, но можем зайти под крышу или накинуть капюшон на голову.

Она смотрит на меня с немым вопросом, словно ищет в моих словах подвох, разрешение на свою ненависть к тому мужчине.

— Я не защищаю его поступок, — чётко говорю я, ловя ее взгляд. — Мы говорим не о нём. Мы говорим о вас и вашей дочери. И о вашем внуке. Он ведь уже есть?

— Внучка. У меня внучка. Три годика, — кивает она, и в её глазах мелькает что-то тёплое.

— Отлично. Она любит свою маму?

— Обожает. Она для нее весь мир.

— Вот видите. Сейчас самое важное — чтобы этот мир был для нее как можно более безопасным и любящим. А для этого вашей дочери нужны силы. Уверенность. А откуда им взяться, если её мама, самый близкий человек, осуждает ее выбор каждый день?

Тамара Ивановна опускает голову.

— Я не осуждаю... Я просто...

— Вы боитесь. Я понимаю. Хотите уберечь. Это естественно. Но ваша тревога, ваши попытки её “вразумить”... они работают? Вы меняете ситуацию?

Она молча качает головой.

— Нет. Мы только ссоримся. Она говорит, что я её не понимаю, и хлопает дверью.

— Значит, этот путь ведет в тупик. Это говорит о том, что вы отдаляетесь друг от друга, а она остаётся один на один со своей сложной ситуацией. И ребёнок чувствует это напряжение.

Я делаю паузу, давая ей переварить.

— Есть другой путь. Он намного сложнее для вас. Он требует от вас титанического усилия. Но он единственный, который может что-то изменить к лучшему. Попробуем?

Она снова кивает, уже с крошечной искоркой интереса сквозь слёзы.

— Вам нужно постепенно перестать контролировать ее жизнь. И стать... просто мамой. А ваш дом, должен быть, местом, куда можно прийти, не боясь обвинений. Сейчас ваши отношения с ней — это поле боя вокруг этого мужчины. Давайте уберем его с этого поля. Давайте поговорим с ней не о нём, а о ней самой. Как она себя чувствует? Что ее радует? Тяжело ли одной с ребёнком? Нужна ли помощь с малышкой?

— Но как я могу её не спрашивать? Как молчать? — в ее голосе снова звучит паника.

— Не молчать. Говорить о другом. Ваша задача — выстроить новые границы. Ваша тревога — это ваша тревога. Вы имеете на неё право. Но это не повод выливать её на дочь. Это повод... прийти сюда, ко мне, поговорить, проработать проблему. Ваша дочь не может нести ответственность за ваши чувства по поводу ее выбора.

Я вижу, как ей тяжело. Эти установки ломают всю её картину мира, где мать обязана вести ребёнка за руку по правильной дороге.

— А внучка..., — осторожно говорю я. — Она тут ни при чём. Она просто есть. И она любит свою бабушку.

На её губах дрожит подобие улыбки.

— Любит. Она тянется ко мне. Зовёт “баба”.

— Вот на этом и стройте мост с дочерью. Через ребёнка. Приходите к ним, играйте. Говорите с дочерью о внучке, о развитии, о питании. Станьте союзниками в заботе о малыше. Это нейтральная, безопасная территория. И так, шаг за шагом, вы сможете вернуть доверие. А когда она будет вам доверять, возможно, сама начнет говорить с вами о своих сомнениях.

Мы говорим ещё минут сорок. Я даю ей конкретные техники, как остановить себя, когда хочется прочитать нотацию. Как находить маленькие радости в общении с внучкой.

К концу сеанса она выглядит не счастливой, но... расслабленной и слегка отстраненной.

— Спасибо вам, милочка, — говорит она, уже крепче держа сумку. — Хоть кто-то не кидает в меня камни и не говорит, что я плохая мать. А говорит, как быть дальше. Тем более ситуация-то... довольно частая.

Я провожаю её до двери, снова напоминая о дыхании и предлагаю записаться через неделю. Дверь закрывается.

В кабинете воцаряется тишина. Я подхожу к окну, глядя на вечерний город. Во мне бурлит профессиональное удовлетворение. Я делаю свою работу хорошо. Но под рёбрами, в самой глубине, клубится та самая глухая, личная тревога.

“Ситуация...довольно частая”.

Я слишком живо всё представляю. Слишком хорошо понимаю ту незнакомую жену. Я ловлю себя на том, что ищу в уличной толпе силуэт Максима. И тут же строго одергиваю себя. Паранойя. У него совещание. Он задерживается.

Мысли о Тамаре Ивановне и её дочери не отпускают.

“Женатый мужчина... Не разводится... Живёт на две семьи”.

Фразы крутятся в голове назойливым рингтоном. Я вздрагиваю от звонка телефона. Максим. Голос бодрый, деловой.

— Алис, я задерживаюсь. Не жди, ужинай без меня.

— Хорошо, — автоматически отвечаю я. — Давай только не слишком поздно.

— Постараюсь. Люблю тебя. Целую.

Он кладёт трубку. Я стою с телефоном в руке, глядя на тёмный экран.

“Люблю тебя. Целую”.

Обычные слова. Но почему-то сегодня они отдаются в пустоте. Я встряхиваю головой, как будто сбрасывая налипший мусор чужих проблем. Усталость. Просто профессиональная деформация и усталость.

Дорога домой проходит в борьбе с этими навязчивыми мыслями. Я включаю музыку погромче, пробую планировать завтрашний день, думаю о подарке Артёму. Но фоном, как назойливый шум, звучит:

“А вдруг?”

— Алис, соберись! Ты же психолог, а не истеричка! — ругаюсь я вслух на пустой дороге.

Но тревога, тупая и необъяснимая, сидит где-то глубоко в солнечном сплетении. Как холодный, тяжёлый камень. Я думаю о том, как рассказала бы об этом Максиму. Мы бы посмеялись над моей мнительностью. Это бы помогло.

Мне просто надо выговориться. Но нельзя. Врачебная тайна. Позже. Когда выйдет срок давности... я обязательно расскажу ему.

И от этой мысли становится чуть легче, или...нет?

Глава 3

Алиса

Весь вечер я не могла выбросить из головы историю Тамары Ивановны. Она поселилась у меня в затылке жужжащей, навязчивой мыслью. Максим, как и сказал, пришел поздно. Слишком поздно. Я уже спала и сквозь сон услышала его тихие шаги в квартире. Он подошел ко мне. Наклонился. Поцеловал.

— Прости. Я как обычно задержался, — прошептал он, а на утро его уже не было дома, хотя я встала когда еще не было даже восьми.

Странные сомнения, терзающие меня со вчерашнего дня, разъедают изнутри. Беру телефон и набираю его номер.

— Аллю? — мягко раздается в динамиках.

— Привет. Ты где в такую рань? Разве у тебя сегодня работа не с одиннадцати?

— Да тут... внепланово выдернули. Не стал тебя будить. Как спалось? — как-то напряженно спрашивает он.

— Нормально. Ладно, тогда до вечера?

— Да. Давай. Целу..., — как-то резко обрывается связь.

Пару секунд смотрю на экран. Предчувствие бьет в колокола.

— Соберись, Алиса. Тебя ждут клиенты. А потом выходные. Все встанет на свои места. Вы проведете время вместе. Все будет как раньше.

День пролетает на одном дыхании. Работа, клиенты, бумаги. Я кручусь в водовороте событий, забывая обо всем, кроме одного.

Тамара Ивановна.

Ее слова въелись намного глубже, чем я могла себе представить.

— Лиска, ты еще не уходишь? У тебя на сегодня больше никого нет, — выдергивает меня из раздумий Катька. Моя коллега и по совместительству лучшая подруга еще с института. — Может, сходим куда-нибудь?

— Да, я собираюсь. Просто непривычно, что еще так рано, а работа уже закончилась.

— Лис, ты что-то сама не своя второй день. У тебя все в порядке?

— Да. Просто немного... знаю, что непрофессионально, но вчера была клиентка и ее история забралась прямо под кожу. Не могу перестать о ней думать.

— Ого! Алиса Семеновна, а как же ваш самый главный завет: “Никогда не примерять чужие жизни на себя”?

— Да хватит тебе! — улыбаюсь я. — Знаю, что нельзя, но...

— Ладно, пошли давай. Отдохнешь и все наладится.

— Я так же думаю, — тихо бросаю я, но сердце начинает ныть сильнее.

За рулем, по пути домой, сквозь вечерние пробки, я не слушаю радио, а думаю о Тамаре Ивановне. Боже, как же отказаться от этих мыслей? Еще и ее взгляд... она смотрела на меня так, словно это не я должна была проникнуться к ней жалостью и состраданием, а как-будто она жалела меня.

Я строю психологический портрет той женщины, о которой она говорила, как делаю это с клиентами: возраст, социальный слой, вероятные травмы, возможно, низкая самооценка. А потом ловлю себя на том, что примеряю её шкуру на себя. Каково ей прямо сейчас? Она готовит ужин, забирает детей из школы, ждёт мужа? Она подозревает? Знает правду? Или живёт в счастливом неведении, пока её муж... Тот самый муж, который, возможно, прямо сейчас так же целует свою любовницу, покупает цветы, играет с чужой дочерью?

— Стоп! Алиса, хватит. У тебя уже какие-то навязчивые мысли в голову лезут, — ругаю себя вслух, резко ударяя ладонью по рулю. — Ты слишком погрузилась в ее историю. Ты же профессионал. Это чужая жизнь. Соберись.

Телефон оживает. Читаю сообщение от мужа. Не звонок, а именно сообщение. Это на него не очень похоже.

“Совещание будет долгим, Алис. Не жди меня к ужину. Кто знает, может, я приеду далеко за полночь?”

Другого я особо и не ждала, но все же надеялась, что его планы изменятся и он будет дома вовремя.

Чтобы отвлечься, включаю подкаст. Очередной психологический разбор, который я обычно слушаю с интересом. Сегодня голос ведущего кажется плоским, бубнящим что-то невнятное.

Я ловлю себя на том, что пропускаю целый блок, прокручивая в голове фразу Тамары Ивановны: “Уже три года”. Три года. Это целая жизнь. Ребенок, который научился ходить, говорить. Любовница, которая перешла из статуса “мимолётного увлечения” в статус... второй семьи.

Я выключаю подкаст. В тишине становится ещё хуже.

Красный светофор на пересечении Садового и Тверской. Длинный, бесконечный. Я задумываюсь, уставившись в точку на панели. Потом смотрю в боковое окно, чтобы перевести взгляд. Парк в сумерках, огни, снег. И соседняя машина. Чёрный “Лэнд Крузер”.

Как у Максима. У него такая же модель. Можно сказать, уже старенькая, но надежная. Я скольжу взглядом по дискам. И мое сердце, уже привычно сжимающееся за этот день, стучит один раз, гулко и тяжело.

Такие же. Совершенно такие же. На заднем стекле, в левом верхнем углу... знакомый призрачный след от наклейки. Как будто кто-то пытался её отодрать, но остался вьевшийся, полупрозрачный силуэт солнышка или цветка.

Артём прилепил такую же, когда ему было лет пять. Какая-то дурацкая переводная картинка из шоколадки. Она так въелась в стекло, что осталась навсегда. Как тень детства. Максим тогда долго ругался, кричал, что надо менять стекло, что машина выглядит убогой. Но в авторизованном сервисе сказали, что менять заднее стекло целиком из-за этого — маразм. И след так и остался. Его фирменный знак. Его позор, как он говорил.

“Наша семейная метка”, — смеялась я тогда.

В голове что-то щелкает и отключается. Просто отсекает все связи с реальностью. Звуки, свет светофора, ощущение сиденья подо мной — всё плывёт. Всё, кроме этой картинки за стеклом.

За рулём сидит Максим. Он чуть повернулся к пассажирке, слушает её. Рядом с ним молодая женщина из моих навязчивых мыслей, только живая. Плоть и кровь. У неё светлые волосы, собранные в небрежный, но модный пучок. Она что-то оживленно рассказывает, размахивает руками и смеётся.

Я не слышу ее смех, но вижу, как она закидывает голову назад, как блещат зубы в полутьме салона. Она красивая. Молодая. Полная жизни. Она тычет пальцем в его плечо, шутливо толкая, и он в ответ ухмыляется, качает головой. Такой знакомый, домашний жест. Так он смеялся над моими шутками...

А потом открывается заднее стекло. Опускается ровно настолько, чтобы в проём втиснулось маленькое личико. Девочка. В розовой шапке с помпонами. Щёки румяные от тепла в салоне. Глаза-пуговицы. Она что-то кричит тем, кто сидит впереди, потом высовывается еще немного, обхватив пальчиками край стекла. Её взгляд блуждает по окружающим машинам, скользит по моей... и останавливается. Она смотрит прямо на меня. Наши машины стоят почти вровень. Я вижу каждую ее ресницу.

И она, эта кроха, увидев моё застывшее, вероятно, абсолютно безумное лицо, вдруг улыбается. Широко, во весь рот, с нескрываемым восторгом. И машет мне. Своей маленькой ладошкой.

Мир, и без того сузившийся до лобового стекла, сжимается до точки. До этой ладошки, машущей мне.

Загорается зеленый. Я не вижу его. Я вижу только, как его машина, чёрная и мощная, плавно трогается с места, перестраивается в левый ряд.

Мое тело реагирует раньше сознания. Нога сама нажимает на газ. Машина дёргается, кто-то сзади сигналиит, но звук доносится как из глубокого колодца. Я перестраиваюсь, втискиваюсь в поток, не отрывая глаз от знакомых фар впереди.

Я еду следом. Не думаю. Не задаю себе вопросов. Не знаю, правильно это или нет. Я на автопилоте, которым управляет один-единственный железный приказ: Я ДОЛЖНА УВИДЕТЬ, КУДА ОН ЕДЕТ. Я должна УЗНАТЬ, кто эта женщина на переднем сиденье и эта девочка.

И, пожалуйста, пусть это будет просто его коллега или знакомая. Пусть я ошибаюсь, и у меня просто какие-то навязчивые мысли.

Но почему-то все внутри меня уже кричит об обратном. Это не коллега. Не случайная знакомая. Не попутчица, которая мерзла с ребенком на обочине. И я это уже понимаю, но пока не готова принять.

Глава 4

Алиса

Максим едет уверенно, не торопясь. Словно наслаждаясь своей компанией, пока внутри меня все рассыпается на части. Он не сворачивает в наш район. Пропускает и следующие два поворота, на которых можно было бы развернуться.

Мы минуем центр, выезжаем на широкий проспект, ведущий к престижному, новому жилому массиву. Я помню эту дорогу. Слишком хорошо помню.

Он замедляет ход, включает поворотник. Подъезжает к парадному подъезду одного из кирпично-стеклянных монстров. Премиум-класс. Я притормаживаю метров за пятьдесят, въезжая на парковочный карман у сквера. Глушу двигатель.

И вот мы здесь.

Я наблюдаю. Словно со стороны. Как в плохом кино, от которого не могу оторваться. Он останавливается. Замок щелкает, дверь открывается, и он появляется в полный рост. В своём любимом кашемировом пальто, в том самом шарфе, который я ему дарила. Он обходит машину спереди, его лицо обращено к пассажирской двери. Открывает для нее дверь.

Женщина выходит, поправляя шубу. Она что-то говорит, и он улыбается в ответ той мягкой, снисходительной улыбкой, которую я так любила. Потом он идет к задней двери, открывает ее. Начинается возня. Он наклоняется, что-то распутывает, и вот он выпрямляется, держа на руках розовый комочек. Девочка обвивает его шею ручками, прячет лицо в его шарф, потом откидывается назад и кричит что-то. Я читаю по губам. Чётко. Ясно.

— ПА-ПА! НЕСИ!

Папа. Он ее отец.

Он смеётся, подбрасывает её, прижимает к себе. Женщина подходит, поправляет на малышке сбившуюся шапку. Потом она кладет руку поверх его, той, что держит ребёнка. Её жест полон нежности и обладания. Она поднимается на цыпочки и целует его в щёку. Он поворачивается к ней, и их взгляды встречаются. В его глазах счастье. То, чего, как мне казалось, мне не хватало в последнее время. Оказывается, оно никуда не делось. Оно просто нашло другого адресата.

Он больше не мой муж. Его сердце принадлежит другой. А я... я осталась лишь фоном. Удобной привычкой. Той, кто всегда под рукой.

Внутри меня что-то окончательно замирает. Оцепенение, в котором я пребывала с момента светофора, начинает отступать, уступая место другому чувству. Чистому, леденящему, абсолютному холоду. Как будто мне в грудь влили жидкий азот. Ни паники, ни страха, ни даже пока боли. Ничего нет. Есть только этот всепроникающий, звенящий холод. И ясность. Чудовищная, кристальная ясность.

Мои пальцы находят кнопку стеклоподъемника. Нажимают.

— Па-а-па! Ещё! Выше! — смеется девочка.

Я беру себя в руки. Дверь открывается с глухим щелчком, нарушая тишину салона. Я выхожу. Вечерний морозный воздух обжигает лицо, но я его почти не чувствую. Снег похрустывает под подошвами моих полусапог, оставляя четкие следы. Я иду к ним. Не бегу. Иду медленно, размеренно, как будто выхожу к трибуне читать лекцию.

Они наконец замечают меня. Сначала девочка. Потом женщина. Её улыбка замирает, глаза расширяются. В них проносится целая буря, паника, замешательство, а затем инстинктивное движение. Она хватается девочку за руку и оттягивает её, делает шаг назад, ближе к Максиму, будто я несусь в себе угрозу.

И он. Он медленно поворачивает голову. Улыбка еще не успевает сойти с его лица, когда его взгляд находит меня.

И я вижу это всё в режиме замедленной съёмки. Как улыбка сползает с лица, обнажая недоумение. Как недоумение сменяется шоком. Глаза становятся круглыми, стеклянными. В них мелькает тот самый животный ужас пойманного с поличным. И наконец, как по щелчку всё это смывается. Лицо становится гладким, каменным. Маска опускается. Ледяное спокойствие. Он делает едва заметный шаг вперёд, слегка заслоняя их собой. Защитная стойка.

Тишина давит на уши. Только далекий гул города и моё собственное, ровное, слишком ровное дыхание.

— Алиса..., — начинает он. Его голос хриплый, он пытается взять его под контроль, сделать твёрдым. Но в первом слове прорывается сдавленность.

Я поднимаю руку. Простой, четкий жест, означающий, “Стоп, хватит, никаких слов”.

— Кто это? — мой собственный голос звучит так, будто его издаёт кто-то другой. Низко, ровно, без дрожи. Он режет морозный воздух.

Я делаю паузу, смотрю прямо на него, игнорирую женщину и ребёнка. Вижу, как напрягается его челюсть, как сжимаются кулаки в карманах пальто.

— Алиса, послушай...это...это просто коллега, — неуверенно выдает он, оглядываясь на женщину позади него.

Еще одна пауза. Я вдыхаю полной грудью. Воздух обжигает легкие, и это хорошо. Это подтверждает, что я ещё жива.

— Коллега? Интересно. А это кто? — я бросаю взгляд на маленькую девчушку. Она прячет свои глазки-бусинки.

— Я его любимая дочка! — обиженно выдает она, выпячивая нижнюю губу вперед.

— Мила, помолчи! — шипит женщина, испуганно глядя на моего мужа.

— Почему я должна молчать? — не понимает малышка. — Он мой папа! Я его люблю!

Женщина закрывает ей рот рукой в варежке. Малышка брыкается. Сопrotивляется, но ее попытки тщетны.

— Алис, послушай... давай поговорим дома? Я... я прямо сейчас приеду и мы все обсудим, хорошо?

Я бросаю последний, быстрый взгляд на эту троицу. На его вымученное спокойствие. На её испуганное, бледное лицо, прикрывающее собой девочку. На эти дурацкие розовые помпоны.

— Ты прав. Нам есть о чём поговорить.

Я разворачиваюсь, слыша, как скрипит снег. И иду обратно к машине. Каждый шаг отдаётся гулким эхом в пустой голове. Спиной чувствую их взгляды. Три пары глаз, впивающихся мне в спину, в шею, пытающихся прожечь насквозь. Я не оборачиваюсь. Я не ускоряю шаг. Я просто иду, оставляя на чистом, нетронutom снегу парковки цепочку своих следов.

Первую черту. Грань, разделяющую нашу жизнь на два отрезка.

Я сажусь в машину, захлопываю дверь. Закрываюсь в металлической коробке. Тишина снова окружает меня, но теперь она другая. Громкая. Звенящая. Я смотрю сквозь лобовое стекло. Они всё ещё стоят там, у подъезда, слившись в одну темную, неподвижную фигуру на фоне ярко освещенного холла. Снег продолжает падать, засыпая мой свежий след.

Максим резко бросается к своей машине. Я наблюдаю за тем, как он вытаскивает с заднего сиденья детское автокресло, как несет его к подъезду. Открывает им дверь. Они заходят внутрь и дверь за ними закрывается.

Я поворачиваю ключ зажигания. Двигатель заводится с первого раза. Предательски привычный, ровный звук. Я включаю передачу, смотрю по зеркалам и плавно выезжаю с парковочного места. В глазах сухо. Горло сжато тисками, но слез нет. В душе тот самый абсолютный, звенящий холод. И где-то на его дне появляется тихий, нарастающий гул.

Я еду домой. По знакомым улицам. Они проплывают за окном, не оставляя в голове ни единого следа. Мой мозг уже работает по-другому. Он не чувствует, он анализирует. Он раскладывает факты по полочкам.

Три года. Совпадение? Престижный район. Любовница. Сотрудница? Клиентка? Кто она?

Та самая Тамара Ивановна... Моя клиентка. Её дочь. Её история.

Я притормаживаю на перекрестке и вдруг понимаю. Тамара Ивановна сегодня была не моей клиенткой. Она была вестником. Кассандрой в старомодном пальто. Она принесла мне пророчество о моей собственной жизни, а я, дура, слушала её как профессионал, давала советы, дышала с ней. А её послание, страшное и простое, было предназначено мне. И я только что получила его в полном, наглядном, жестоком объёме.

Глава 5

Алиса

Я паркую машину на подземном паркинге. Действия четкие, механические: нейтралка, ручник, поворот ключа. Я сижу ещё секунду в полной тишине, потом открываю дверь и выхожу. Иду к лифту. Мои шаги эхом отражаются от бездушных бетонных стен. Нажимаю кнопку. Поднимаюсь. Всё как всегда.

Дома тихо. Обычная, домашняя, привычная для этого времени тишина, когда мой муж еще на работе, а наш сын на учебе или на тренировке. Я захожу в прихожую, вешаю ключи на крючок, они звякают невыносимо громко. Снимаю сапоги, ставлю ровно на полку для обуви. Снимаю куртку. Все на свои места.

Мне нужно сделать ужин. Артём скоро вернётся, он будет голоден, — эта мысль, привычная и рутинная, как спасательный круг. За неё можно ухватиться, отключиться от реальности. Я иду на кухню, включаю свет. Яркий, холодный свет люстры над барной стойкой заливает всё вокруг. Слишком ярко. Но выключить я не могу. Нужно действовать.

Открываю холодильник. Взгляд скользит по полкам. Куриное филе, майонез, томатная паста. Кладу все на разделочную доску. Беру нож. Острый, с деревянной ручкой. Мою мясо под струей холодной воды. Вода шумит, и этот шум на секунду заглушает звон в ушах.

Три года.

Мысль возникает сама собой. Я режу курицу на аккуратные кубики. Лезвие легко входит в плоть, упирается в доску.

Тук. Тук. Тук.

Три года назад Артёму было двенадцать. У него начались проблемы с математикой, и мы наняли репетитора. Максим тогда много ездил в командировки, говорил, что осваивает новый регион.

— Новый регион, — беззвучно шевелю губами.

Я перекладываю нарезанную курицу в большую керамическую миску. Беру майонез, выдавливаю белой спиралью поверх розоватых кусочков.

Его дочь. Вторая мысль, вторая метка. Девочка в розовой шапке. Она машет мне рукой из салона его машины, пока он так увлечен своей пассией, что совершенно не замечает, что я стою рядом. Я смотрю на свои пальцы, испачканные в томатной пасте и майонезе. Они холодные. Я их не чувствую.

Добавляю соль. Белые кристаллы исчезают в смеси. Следом перец.

Соседний район. Тот самый, где мы хотели купить квартиру. Он тогда говорил: “Здесь цены взлетят, надо брать”. Он не думал тогда об этом. Он уже знал. Потому что интересовался. Потому что уже все разузнал. Не для инвестиций. Для жизни. Своей другой жизни.

Чеснок. Давилка. Резкий, знакомый запах бьёт в нос, но не вызывает никаких чувств. Я беру ложку и начинаю перемешивать.

Каждый факт о муже — это удар в солнечное сплетение. Я анализирую, проговариваю, осознаю всю чудовищность ситуации, а боли нет. Есть только эта мертвая, ледяная пустота где-то за грудиной. Как будто кто-то вынул оттуда всё тепло, все нервы и не оставил ничего взамен.

— Алиса, — шепчу я сама себе, возвращаясь в реальность. — Посмотри на все со стороны.

И у меня получается. Моё профессиональное “я”, наблюдающее со стороны, фиксирует шок. Острая стрессовая реакция. Организм и мозг работают на пределе, выстроив все возможные защитные барьеры. Они отсекают эмоции, потому что они сейчас меня убьют. Мозг оставляет только логику, рутину, простые действия.

“Приготовь ужин”.

Это безопасно. Это знакомо. Это якорь в рушащемся мире.

Я ставлю сковороду на огонь, наливаю масло. Пока оно нагревается, мою гречку. Коричневые зерна шуршат под струей воды. Я наблюдаю за собой, как за клиентом на сеансе.

“Пациентка демонстрирует признаки диссоциации. Действия автоматические, состояние шока на лицо. Вероятно, происходит когнитивная обработка травматического события без подключения эмоционального компонента. Это временно. Когда защитные механизмы ослабнут, наступит реактивная фаза — боль, гнев, отчаяние. Нужно быть к этому готовой”.

— Будь готова, — говорю я себе. Но как быть к этому готовой? Я не знаю.

Масло на сковороде начинает шипеть. Я выкладываю курицу. Шипение становится громким, яростным. Запах жареного мяса и чеснока наполняет кухню. Обычный, вкусный запах нашего ужина.

Слез нет. Горло сжато, но оно сжато тихо, без спазмов. Я помешиваю курицу деревянной лопаткой. Она становится золотистой.

Я перекладываю её из сковороды в жаропрочную форму, ставлю в разогретую духовку. Ставлю кастрюлю с гречкой на конфорку. Включаю таймер на духовке. Всё правильно. Всё как надо.

И только теперь, когда руки свободны, когда основные действия выполнены, я позволяю себе опуститься на кухонный стул. Он холодный, даже через джинсы. Я сижу прямо, руки лежат на коленях. Смотрю на плиту, на таймер, который отсчитывает секунды.

Мозг, наконец отпущенный на волю от диктата рутины, начинает работать в новом режиме. Не просто констатировать факты. Связывать их.

И возникает оно. То самое холодное, ясное понимание.

Мой муж — чужой, жестокий человек.

У него лицо Максима, его голос, его пальто. Но внутри... внутри сидит незнакомец. Холодный, расчетливый, способный на подлость такого масштаба, что мой мозг до сих пор отказывается в это поверить полностью.

Жестокий. Он не просто изменил. Он построил параллельную жизнь. Он смотрел мне в глаза все эти годы, целовал перед сном, говорил люблю, обсуждал планы на отпуск, жаловался на усталость. Он слушал, как я переживаю из-за переходного возраста Артёма, давал советы. И всё это время у него была тайна.

Большая, живая, ходячая тайна в розовой шапке. Он знал. Молчал. И вёл свою двойную игру. И в этих его действиях не слабость, не минутное помутнение. В этом есть только жестокость. Глубинная, осознанная. Презрение ко мне, к нашему браку, к нашему общему прошлому.

Я смотрю на свои руки, и ко мне приходит самое страшное осознание, от которого даже ледяной ступор даёт трещину.

Я его не знала.

Всё, что я думала о нём, всё, чем я восхищалась, на что надеялась, за что любила, было иллюзией. Картинкой. Фасадом. За которым жил этот незнакомец. Я ни разу не заподозрила. Ни разу не усомнилась в его рассказах, в его “задержках на работе”, в его внезапных командировках. Я любила. Была слепа. Доверчива. Глупа.

А наш сын... Артём. Он и его обманывал. Он крал у нашего сына время, внимание, отцовскую заботу, чтобы отдать это другой девочке. Он ставил своего сына перед фактом, готовил его к роли старшего брата в чужой семье, даже не спросив.

Мысль об Артёме пробивает первую, тонкую брешь в ледяной стене. Ещё не боль. Но уже пронзительная, острая жалость. К нему. К нашему сыну, который обожает отца. Который верит каждому его слову. Что будет, когда он узнает? Эта мысль настолько невыносима, что я физически сжимаюсь на стуле, обхватывая себя руками. Нет. Не сейчас. Сейчас нельзя.

Таймер на духовке пищит. Резкий, настойчивый звук возвращает меня на кухню. В реальность, где нужно выключить духовку, где гречка уже впитала воду, где нужно накрывать на стол.

Я встаю. Ноги немного ватные, но держат. Я действую дальше. Выключаю огонь, ставлю кастрюлю с гречкой на подставку. Приоткрываю духовку. Оттуда валит аппетитный пар. Всё готово.

И, когда всё сделано, когда больше некуда приложить свои автоматические действия, я чувствую, как та самая стена из льда внутри начинает трескаться. Медленно. Снизу. Оттуда, из той ледяной пустоты, поднимается что-то тяжёлое. Это огромное, сокрушительное давление, которое вот-вот разорвёт меня изнутри.

Я знаю, что скоро на меня нахлынет боль. Когда Максим переступит порог. Когда начнётся “разговор”. Когда я увижу его виноватое или оправдывающееся лицо здесь, на нашей кухне, под этой самой люстрой. Вот тогда меня накроет той самой болью, про которую я читала в книгах и которую пыталась лечить у других. Нестерпимой, живой, разъедающей болью предательства.

Но сейчас у меня есть ещё несколько минут. Пока он едет. Пока Артём не вернулся. Я подхожу к окну, смотрю на темный двор. Я дышу. Глубоко. Профессионально. На четыре счета вдох, на шесть выдох. Это не избавит от боли. Но это даст мне ещё немного времени, чтобы подготовиться.

Чтобы решить, каким будет моё первое слово, когда он войдёт в эту дверь.

Глава 6

Алиса

Резкий, металлический щелчок замка оглушает. Он режет тишину квартиры и заставляет моё тело вздрогнуть и напрячься от макушки до кончиков пальцев на ногах.

Всё внутри сжимается в тугую, болезненный ком. Потом шаги. Его шаги. Уверенные, чуть тяжеловатые. Я слышу легкое поскрипывание паркета в прихожей. Он снимает обувь. Вешает куртку. Обычные звуки нашего дома.

Я сижу на кухне. Передо мной стоит кружка с остывшим чаем. Я его не пью. Я просто держу кружку руками, чтобы они не тряслись. Так я могу их контролировать. Пока они холодные и неподвижные, как и всё остальное.

Я готовлюсь. Прокручиваю в голове варианты, как диспетчер перед сложным рейсом. Он скажет: “Извини”. Нет, не скажет. Сначала попробует отрицать? Замять? Сказать, что я всё неправильно поняла? Или сразу перейдет к оправданиям вроде: “Это было один раз”, “Ты сама виновата”, “Мне не хватало внимания”.

Я продумываю ответы на каждый вариант. Вспоминаю все, что слышала в своем кабинете сотни раз, и пытаюсь представить, как он говорит эти слова. Логичные, убийственные фразы, которые разрушают абсолютно все.

Дверь на кухню открывается.

Максим стоит на пороге. Не измождённый, не виноватый, не готовый к исповеди. Он стоит, как и всегда, вернувшись с работы. Немного усталый, домашний. Его взгляд скользит по мне, по столу, задерживается на курице, на кастрюле с гречкой.

— О, а у нас сегодня курочка с гречкой, — бодро заявляет он, как будто обнаружив приятный сюрприз. Он подходит к плите, касается тыльной стороной ладони края сковороды. — Ух, горячая ещё. А где Артём? Разве он ещё не приехал?

Мои мысли, только что выстроенные в четкий боевой порядок, путаются и рассыпаются.

— Нет. Его ещё нет, — отвечаю на автомате голосом, который звучит странно, нормально.

И тут же спохватываюсь. О чём он вообще? При чём тут Артём?

— Ах, да. Он же мне сегодня звонил. Сказал, что, возможно, останется ночевать у своего друга. Какой-то у них там сабантуй после очередной тренировки.

Проверяю свой телефон. На нем нет ни одного звонка или сообщения от сына. Артём не предупреждал меня. Он обычно делает это ближе к вечеру, но... сегодня еще ничего не говорил.

Я смотрю на Максима и чувствую нарастающую, сюрреалистичную абсурдность происходящего. Он снимает часы, кладет их на стол. Расстегивает манжеты рубашки. Всё как всегда. Его спокойствие, его обыденный тон настолько оглушительные, что я начинаю сомневаться в реальности происходящего.

Ладно, Артём. Но остальное-то? Розовая шапка? Парковка? Этот поцелуй?

Он наливает себе воды из кувшина, делает большой глоток.

— Алис, курица просто обалденно пахнет, — не унимается он, накладывая ее к себе в тарелку. — Настоящий праздник желудка.

Почему он ведёт себя так, будто ничего не случилось? Будто я не видела его вместе с его... семьей у того подъезда. Будто на нем не висел тот розовый комочек, обнимающий его шею. Будто всё это галлюцинация переутомившегося психолога. Начинает казаться, что я сумасшедшая. Что я что-то придумала, спутала, неверно истолковала.

Нет. Я видела. Ясно, отчётливо, в мельчайших деталях. И как бы он ни пытался разыграть этот фарс, у него не выйдет. Потому что профессионал внутри меня просыпается раньше, чем отступают эмоции.

Газлайтинг. В самом изощренном его проявлении. Максим пытается заставить меня усомниться в собственной памяти. Задуматься о своей эмоциональной стабильности.

Это знание, как удар тока, пронзает лёд внутри. Пелена оцепенения и шока начинает рваться.

— Что, курица? — вырывается у меня и голос звучит глухо, но уже не автоматически.

— Да. Вкуснотища, — он ставит тарелку на стол и принимается есть. — И греча класс. Не сухая. Подай, кстати, ещё кетчуп. Там вроде еще оставался вчера.

“Оставался вчера”.

Он просит кетчуп и собирается поужинать за нашим столом. Моей курицей и гречкой сделанной для нашего сына. После того, что произошло.

Остатки пелены спадают, и реальность встаёт передо мной во всей своей чудовищной наготы. Он не собирается ничего объяснять.

Он решил сделать вид, что ничего не было. Проигнорировать. Замолчать. Посмеяться надо мной. Или он действительно считает, что имеет право на это молчание?

Глава 7

Алиса

Я смотрю на своего мужа и в голове крутится лишь одна мысль. Не приложился ли он часом головой, пока возвращался домой? Или это его так обработала его пассия в шубке?

— Алис, ну, подай кетчуп. Тебе сложно что ли? Я точно помню, что он там был, — говорит он как ни в чем не бывало.

— Ах, правда? — говорю я, поднимаясь со своего места.

— Да. Я вроде видел его в дверце в последний раз.

Он уже наложил себе полную тарелку и принялся есть. Я смотрю на его руки. На эти пальцы, которые не так давно гладили по спине ту женщину. Я смотрю на его губы, которые целовали её. На его лицо, на котором сейчас читается лишь ожидание кетчупа.

Я протягиваю руку. Быстро, резко. Забираю у него тарелку. Он моргает, не понимая.

— Эй!

Но я уже разворачиваюсь и, не глядя, швыряю тарелку в сторону мусорного ведра. Фарфор с глухим, влажным стуком бьется о стенку ведра, крошится. Гречка и курица разлетаются желто-оранжевым пятном по белому пластику и полу.

На кухне воцаряется тишина. Гулкая, полная. Он замирает с вилкой в руке. Я поворачиваюсь к нему.

— Я готовила для сына, а не для тебя. Скажи спасибо, что не одела тебе кастрюлю на голову. Тем более ты же был у своей пассии. Разве она тебя не накормила? Или ее значимость заключается в чем-то другом? И я даже догадываюсь, в чем именно, — выпаливаю я. Дышу часто, но голос звучит на удивление ровно. Только слегка срывается на последнем слове, но я быстро беру его под контроль.

Он медленно опускает вилку на стол. Потом откидывается на спинку стула. В его глазах не шок, не раскаяние. Сначала раздражение. Глубокое, усталое раздражение, как у взрослого человека на истерику ребенка. Он делает тяжёлый, шумный вдох, будто набирается терпения.

Потом поднимается. Не резко. Плавно, с чувством собственного достоинства. Он смотрит прямо на меня. Его взгляд теперь другой. Маска “уставшего хорошего мужа” сползает с его лица. Остается холодный, оценивающий взгляд.

— Значит, — говорит он отчётливо, без тени прежней бодрости, — у нас всё же не получится обойтись без этого разговора?

В его голосе звучит... досада. Досада из-за того, что ему придётся тратить на меня свое время и силы. Никакого страха. Никакой вины.

Ледяная трещина внутри меня расширяется. Сквозь нее начинает сочиться не боль, а ярость. Она греет изнутри, возвращая чувствительность пальцам.

— А ты думаешь, это возможно в нашей ситуации? — ровно, почти вежливо спрашиваю я. И каждое слово звучит без капли дрожи в голосе.

Он усмехается. Коротко, беззвучно. Потом проводит рукой по лицу, сгоняя невидимую усталость.

— Не думал, но честно признаться, надеялся, что из уважения к стольким годам брака, к тому, что мы построили... ты не будешь реагировать подобным образом, — он делает паузу и смотрит на меня, словно проверяя эффект от сказанных им слов. — Но, видимо, зря.

Его слова повисают в воздухе.

“Из уважения к стольким годам брака”. “Подобным образом”.

В его понимании, швыряние тарелки с едой в мусорку — это “подобным образом”. А вот роман на стороне и внебрачный ребёнок — это, получается, нормально в его понимании? Это вписывается в рамки “уважения”.

Лёд раскалывается окончательно. Ярость закипает, поднимается по горлу, сжигая всё на своём пути. Голос становится ниже, опаснее.

— Ты сам растоптал это уважение, когда завёл себе любовницу и ребёнка. Когда водил меня и сына за нос. Ты думаешь, после этого возможны мирные ужины и просьбы передать кетчуп?

Он смотрит на меня, и в его глазах вспыхивает что-то вроде презрительного вызова.

— Заводят собак и кошек, Алиса, — произносит он моё имя с язвительным ударением и какой-то странной усталостью. — А это, извини, огромная разница. Ребенок — это не котенок, которого можно выбросить на улицу, если он надоел.

Его цинизм, обернутый в фальшивую оболочку “ответственности”, бьет с новой силой. Он не просто оправдывается. Он ставит себя на пьедестал.

“Я не подлец, а ответственный отец”. И он использует своего же, рождённого в обмане, ребёнка как защиту.

— О, да, — говорю я, и мой голос начинает дрожать от сдерживаемой ярости. — Конечно. Ты у нас такой ответственный, что три года скрывал это от меня. Настолько ответственный, что построил вторую семью за моей спиной. Это какая-то новая, извращённая форма ответственности? Или ты просто пытаешься сейчас выставить меня монстром, который не понимает твоих “высоких побуждений”?

Он делает шаг вперёд. Не угрожающе, но его физическое присутствие, его рост, которому я когда-то радовалась, сейчас кажутся давлением.

— Я ничего не строил за твоей спиной. Я жил. У меня есть бизнес, обязательства, потребности. И да, у меня есть женщина, которая меня понимает и не устраивает истерик на ровном месте. И есть ребёнок. Мой ребёнок. И я не собираюсь от него отказываться. Так же, как не собираюсь отказываться от Артёма. И от тебя.

Глава 8

Алиса

Он произносит это последнее “и от тебя” с таким чувством собственника, как будто объявляет о решении оставить в гараже старую, но исправную машину, пока он ездит на новой.

— От меня? — я издаю короткий, истеричный звук, похожий на смех, но в нём нет ничего смешного. — Ты думаешь, после всего, что ты сказал, у тебя есть право решать, отказываться от меня или нет? Ты думаешь, я вещь, которую можно поставить на полку, пока она не нужна, а потом стряхнуть пыль и снова использовать ее?

— Алиса, ты сейчас ведешь себя неразумно.

— Знаешь, что? У тебя нет ни малейшего права обращаться со мной подобным образом. Ты не можешь от меня требовать ничего, как минимум, уже несколько лет. С того самого дня, когда ты впервые мне изменил.

— Не начинай, — резко обрывает он. — Не надо устраивать драму. Я предлагаю взглянуть на вещи трезво. У нас общий дом, общий сын, общие цели. Просто теперь ты еще и знаешь, что меня есть... другая обязанность. Да, пусть это звучит грубо. Но я готов обеспечивать всех. Две семьи — это не преступление, Алиса. Это реальность для многих успешных мужчин. Ты просто не хочешь этого видеть.

“Другая обязанность”.

“Две семьи — это не преступление”.

Его слова, его “трезвый взгляд” насквозь пропитаны токсичным самодовольством. Он искренне верит в то, что говорит. Или делает вид, что верит? Но это уже неважно.

Я стою перед ним, и ярость во мне вдруг застывает, кристаллизуется во что-то более твердое и острое.

Я вижу его теперь не как мужа, а как противника. Противника, который не раскаивается, не просит прощения. Он лишь излагает свои условия, на которые, по его мнению, я должна согласиться с превеликим удовольствием.

— Значит, по-твоему, мне нужно просто “принять” тот факт, что ты спишь с какой-то женщиной, а потом возвращаешься ко мне и спишь со мной? — спрашиваю я почти шепотом. — Смириться? Молча наблюдать, как ты делишь свою жизнь и деньги между нами? Ждать тебя по вечерам, зная, что ты, возможно, у неё? Воспитывать нашего сына в атмосфере этой лжи? Тебе не кажется, что у тебя какие-то средневековые замашки? Кем ты себя возомнил?

— Никто не говорит о лжи, — парирует он. — Мы обязательно всё расскажем Артёму, когда он подрастёт. А сейчас... это не его дело. Рановато ему пока в дела взрослых лезть. А ты... Ты же умная женщина, Алиса. Практичная. Ты можешь всё понять.

“Практичная”.

Вот оно, самое страшное оскорбление. Он предлагает мне сделку. Не любовь, не верность, а холодный, расчетливый контракт. Где моя роль — быть “практичной” и терпеть.

Я смотрю на его лицо. На знакомые черты, которые теперь кажутся маской чужого, жестокого человека. И понимаю, что вести дальнейший разговор бессмысленно. Мы говорим на разных языках. Он говорит на языке собственности, статуса и удобства. Я на языке боли, предательства и человеческого достоинства.

Я отступаю на шаг. Физически отдаляюсь от него. От этого разговора. От его “предложения”.

— Нет, Максим, — говорю я тихо, но так, чтобы каждое слово прозвучало набатом. — Я не могу “понять” тебя. И не буду терпеть подобное неуважение к себе, к нашему сыну, к нашей жизни. Ни дня. Ни часа.

Я вижу, как в его глазах впервые мелькает не раздражение, а что-то другое. Настороженность. Он не ожидал такого категоричного отказа. Он думал, что я сломаюсь, поплачу, а потом соглашусь на его условия. Ведь, “как я без него?”, “мы же столько лет вместе”.

— И что ты собираешься делать? — спрашивает он, и в его голосе слышится металл.

— Я хочу, чтобы ты ушел прямо сейчас, — говорю я, не отводя взгляда. — Возьми свои вещи и уходи. К ней, в отель, куда угодно. Но не оставайся здесь сегодня.

— Это мой дом, — напоминает он, и его тон снова становится решительным.

— Пока что он наш. Был нашим. Но ты только что сделал всё, чтобы он перестал быть таковым. Уходи. Пока я не устроила скандал, который услышит весь дом. Ты же не хочешь, чтобы Артём узнал обо всем вот так, правда? От соседей?

Я блефую. Но блефую уверенно. И он ведется. Его лицо искажает гримаса злости. Он понимает, что его план “замять и продолжить как ни в чём не бывало” провалился. Что перед ним не сломленная жертва, а женщина, которая не готова соглашаться на его условия.

Он молча смотрит на меня ещё несколько секунд, потом резко разворачивается и уходит из кухни. Через минуту я слышу, как в спальне хлопают ящики комода. Он что-то собирает.

Я остаюсь стоять посреди кухни. Вокруг запах еды, разбитая тарелка в мусорном ведре, пятно на полу. И тишина, которую уже не заглушить. Ярость постепенно отступает, оставляя после себя опустошение и леденящую, окончательную ясность.

Он вернется. Он уходит не окончательно. Он лишь дает мне время “успокоиться”, но он не понимает, что после того, как мои эмоции улягутся я стану той, кем он никогда бы не хотел меня видеть.

Глава 9

Алиса

Щелчок входной двери. Окончательный, неумолимый. Потом тишина. Глубокая, всепоглощающая, как будто в доме выключили не только свет, но и звук. Я стою посреди гостиной, прислушиваясь к этой тишине. Она давит на уши, пульсирует в висках в такт удаляющимся шагам в подъезде, а потом и они стихают.

И когда его физическое присутствие окончательно растворяется за дверью, на меня всей своей чудовищной тяжестью обрушивается всё, что случилось за эти два дня. Не потоком, а лавиной. Она накрывает с головой, сминает, заставляет согнуться пополам.

Тамара Ивановна и её слёзы. Её слова, которые теперь звучат как злое пророчество, обращенное ко мне. Я так уверенно давала ей советы, так старательно пыталась отделять чужую боль от своей. А она была зеркалом. Говорящим зеркалом моего будущего.

Муж. Максим. Его лицо на парковке. Сначала счастливое, потом застывшее с ужасом и расчетом. Его голос на кухне. Сначала фальшиво-бодрый, потом холодный и циничный.

Измена. Это слово теперь приобрело плоть, запах, цвет. Запах её духов, которые, наверное, остались на его одежде. Цвет той розовой шапки.

Другая женщина. Молодая, смеющаяся, уверенная в своих правах на моего мужа. Она обнимала его. Целовала его при их дочери. И при мне. Без тени смущения.

И... ребёнок.

Вот этот факт пронзает ледяное оцепенение с новой, невыносимой силой. Не поцелуй с другой. Не мимолетный секс в командировке, на который можно было бы закрыть глаза, придумав оправдание, что он много выпил, закрутилось, пожалел.

Нет. Ребёнок. Живое, трехлетнее, ходячее и говорящее доказательство. Не ошибка. Не случайность. А систематическое, хладнокровное, растянутое во времени предательство. Спланированное. Ложь на годы вперед.

Это уровень жестокости и цинизма, который моя психика отказывалась принять сразу. Теперь она принимает. И от этого становится физически плохо.

Руки пробирает мелкая, неконтролируемая дрожь. Сначала в кончиках пальцев, потом она поднимается выше, к локтям, сотрясая все тело. Ноги слабеют, становятся ватными. Я словно сама не своя дохожу до спальни, спотыкаясь о порог. Падаю на край кровати, на ту самую сторону, где он спал. Меня передергивает. Я отползаю, прижимаюсь спиной к изголовью, подтягиваю колени к груди, обхватываю их руками. Стараюсь стать как можно меньше. Сжаться в комок.

Мозг, уже не сдерживаемый необходимостью держать оборону, начинает лихорадочно работать. Он ищет причину. Вину. Мою вину. Когда? Что я сделала не так? В какой момент отвернулась, охладела, перестала быть достаточно интересной, достаточно красивой, достаточно... какой?

Чего ему не хватило? Любви? Я говорила ему "люблю" каждый день. Интим? Мы занимались сексом регулярно, не так страстно, как в самом начале наших отношений, но тепло, как два любящих друг друга человека. Я думала, что это даже хорошо. Думала, что между нами такая зрелая, спокойная близость.

А может, ему не хватало заботы? Я готовила его любимые блюда, следила за его здоровьем, гладила рубашки, выслушивала проблемы с бизнесом. Я давала ему всё, что было в моих силах. Всё, что, как мне казалось, нужно.

Но ему стало мало. Он захотел большего. Не дополнительной порции любви от меня, а чего-то принципиально другого. Острых ощущений? Молодой женщины, которая смотрела бы на него с обожанием, без тени бытовой усталости? Подтверждения своей власти, своего

статуса? Он, как ненасытный потребитель, рванул туда, где давали ещё. Эгоистично. Бездумно. Совершенно наплевав на любые нормы морали, на клятвы, на общую историю, на сына. На меня.

И ведь я ничего не замечала. Вообще. Все эти годы. . . . Между нами ничего не изменилось. Он так же целовал меня с утра, уходя на работу. Так же говорил “люблю” по телефону. Обнимал меня ночью во сне. Даже наша сексуальная жизнь оставалась ровной, предсказуемой. И сейчас на меня накатывает волна такого физического, животного отвращения, что желудок сводит спазмом. Меня тошнит.

Он касался её. Этими же руками. Целовал её этими же губами. Спал с ней. Возможно, даже сегодня днём. А потом приходил ко мне домой. К нашей кровати. Ко мне. И . . . делал вид, что ничего не произошло. Целовал меня. Обнимал. Говорил, что любит.

Меня аж передергивает от этого осознания. Грязь. Я чувствую себя грязной. Оскверненной. Я вскакиваю с кровати, как будто она внезапно стала раскаленной. Ноги еле держат, но я почти бегу в ванную. Нужно смыть. Смыть все его прикосновения со своего тела. Немедленно.

Глава 9.1

Алиса

Включаю горячую воду на полную мощность. Пар быстро заполняет комнату. Я набираю полную ванну, добавляю туда всю пену, что есть, высыпаю целую пачку соли для ванн. Не глядя. Потом срываю с себя одежду, швыряю её в угол, и погружаюсь в почти обжигающую воду. Лежу так минут двадцать, не двигаясь, уставившись в потолок, затянутый паром. Но вода не помогает. Ощущение липкой, невидимой грязи не проходит. Оно под кожей.

Я встаю, вода с шумом стекает с тела. Беру гель для душа, выливаю обильно на жёсткую мочалку. И начинаю тереть. С силой. С каким-то остервенением, злостью, направленной и на него, и на себя, за то, что подпустила его так близко.

Тру спину, плечи, живот. Каждое место, которое он целовал. Каждое прикосновение, которое теперь, в ретроспективе, кажется фальшивым, неискренним, оскверненным.

Я тру до тех пор, пока кожа не начинает саднить и гореть, пока рука от монотонного движения не немеет. Но мне всё равно кажется, что этого мало. Что я не смываю, а лишь втираю эту грязь глубже. Кажется, что от этой измены, от этого предательства невозможно отмыться. Что вся эта ложь, этот цинизм, что они уже не снаружи. Они внутри. В моих венах. В крови. В самой сути. Он заразил меня своим предательством, и теперь я ношу его в себе.

Я выключаю воду. Стою под холодными каплями, которые стекают по горячей, растёртой коже. Потом выхожу, накидываю на себя банный халат, не вытираясь. Возвращаюсь в спальню. Дома сегодня прохладно, сквозняк гуляет по комнатам.

Подхожу к кровати. Медленно ложусь на неё, завернутая в халат. Укрываюсь сверху одеялом, которое всё ещё лежало на полу. Делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться.

И чувствую запах. Его запах. Смесь его дорогого дезодоранта, его кожи, нашего стирального порошка. Он пропитал ткань. Он везде.

Я вскакиваю, как ужаленная. Срываю с матраса простыню, наволочки, пододеяльник. С силой швыряю всё это в корзину для белья в углу. Потом стою посреди спальни, в центре оголенной кровати, и трясусь. Не от холода. От бессильной, всесокрушающей ярости. Она бьёт изнутри, как конвульсии. Я хочу кричать, рвать, бить что-то. Но вокруг только стены нашего общего дома. И бить их бессмысленно.

Я вижу на тумбочке свою аптечку. Подхожу, открываю её дрожащими руками. Нахожу пластинку с лёгким снотворным, которое иногда принимала в периоды сильного стресса. Выковыриваю одну таблетку.

Думаю. Ломаю её пополам. Только полтаблетки. Профессионал во мне ещё жив. Целая — это уже зависимость, это слабость. Половина — помощь организму пережить шок, не дать всем этим черным, липким мыслям сожрать меня изнутри и лишит сил на завтра. Я не могу позволить этой грязи навредить моему сну. Сон — это ресурс.

Запиваю водой из стакана. Потом иду к шкафу, достаю свежий комплект постельного белья. Пахнет чистотой, морозом и уютом. Я медленно, тщательно застилаю кровать. Расправляю уголки. Кладу подушки. Это ритуал. Ритуал очищения пространства. Хотя бы внешнего.

Ложусь. Голова касается свежей, прохладной наволочки. Я смотрю в потолок, слушаю, как бьется мое сердце. Оно постепенно успокаивается. Действие таблетки и психологическое истощение делают своё дело. Мысли начинают путаться, расплываться.

— Завтра, — шепчу я себе в темноте. — Я буду принимать все решения завтра. На холодную голову. Когда отступит первый шок и спадет ярость. Пока я сама не наломала дров и не создала себе новых проблем.

Я профессиональный психолог. Сколько раз я говорила это своим клиентам, плачущим от горя или кипящим от гнева:

“Никогда не торопитесь с действиями. Дайте себе время. Сначала холодный рассудок, анализ, план. Потом — действия. Иначе вы будете тушить пожар бензином. И в этом, вы навредите сами себе. Совершите ошибку, оступитесь”.

Теперь я должна последовать своему же совету. Выжить эту ночь. Переварить яд. А утром... утром начать действовать. Не как униженная жена, а как стратег. Потому что это уже не ссора. Это предательство. А после такого предательства, эмоции — роскошь, которую я не могу себе позволить.

Веки тяжелеют. Дыхание выравнивается. Я практически сразу проваливаюсь в глубокий, беспробудный, милосердный сон. Последнее, что я чувствую перед тем, как сознание гаснет — это холод чистоты на своей коже, и тишина. Она больше не враждебная, она пустая. И эту пустоту теперь предстоит чем-то заполнить.

Глава 10

Алиса

Утро не приносит должного облегчения, как хотелось бы. Я просыпаюсь не отдохнувшей, а вынырнувшей из тяжёлой, безвоздушной глубины. Голова налита свинцом, мысли вязкие и мутные. Я лежу и смотрю в потолок, пытаюсь зацепиться взглядом за знакомую трещинку возле люстры. Она на месте.

Значит, и всё остальное тоже. Не сон. Не кошмар, от которого можно проснуться в холодном поту, но с облегчением. Это явь. Моя новая, чудовищная реальность, в которой я, Алиса, теперь главный персонаж. Не наблюдатель со стороны, не спаситель. А жертва и, возможно, в будущем мститель.

— Так, Алиса, — говорю я себе. Голос звучит хрипло и безжизненно даже в моей голове. — Тебе надо собраться. Твоя жизнь продолжается. Хоть и дорога, по которой тебе предстоит идти, превратилась в поле, поросшее высокой, сухой травой и колючками. Но первой протоптать её придётся именно тебе.

Я поднимаюсь. Тело ноет, словно после долгой болезни. Иду в ванну. Чищу зубы. Всё как всегда. Обычный день. Только сегодня меня не поцеловали с утра. Не сказали “люблю” шепотом, когда я только открыла глаза. А в квартире не слышно запаха кофе, который он варит, хотя сам его почти не пьёт. Вместо этого тишина. И одно-единственное сообщение на телефоне от сына, пришедшее ещё вчера вечером:

“Мам, я у Сашки, останусь. Всё ок”.

Как и сказал муж. Только, видимо, я настолько была погружена в собственный крах, что совершенно об этом забыла.

Смотрю на себя в зеркало. Лицо обычное. Ни темных кругов под глазами, ни красных, опухших век. Ничего, что выдавало бы ту адскую боль, то крушение вселенной, которое я переживаю прямо сейчас. Кожа бледная, но она всегда была такой в зимнее время. Я та же. Снаружи нет ничего, что выдало бы выжженный внутри меня пустырь.

Я иду на кухню. Завариваю себе чёрный, крепкий чай из пакетика. Он должен помочь взбодриться. Прийти в чувства. Всё как всегда. Обычная рутина. Первый глоток обжигает.

Я жду, сидя на кухонном стуле, держа кружку в обеих руках. Жду, когда наконец накатит осознание, боль, паника. Хоть что-то, что прорвет эту странную, неестественную анестезию. Но организм всё ещё держит меня в безопасной зоне. Диссоциация. Защитный механизм продолжает работать, оберегая психику от полного разрушения. Он не позволяет эмоциям взять верх. Пока не позволяет.

Телефон в кармане халата вибрирует. Резко, неожиданно. Я вздрагиваю всем телом, и часть обжигающего чая выплескивается из кружки прямо мне на ногу, на бедро. Проникает сквозь халат. Боль острая, мгновенная. Я вскрикиваю, роняю кружку, она с грохотом катится по полу, но не разбиваясь. В панике распахиваю халат, сдергиваю мокрый хлопок с кожи. Нога уже краснеет, расплывается большим пятном. Я дую на нее, но это бесполезно.

А телефон не унимается. Вибрация продолжается, назойливая, требовательная. Одной рукой я пытаюсь смахнуть чай с кожи, другой вытаскиваю телефон из кармана. Не глядя, смахиваю “ответить”.

— Алло? — мой голос звучит сдавленно, нервно.

— Эй, я что, позвонила в самый неподходящий момент? — в трубке звенит голос моей лучшей подруги Кати. Можно сказать, единственной. Остальные, как-то со временем, с рождением Артёма, с погружением в работу и быт, просто исчезли из моей жизни. Она единственная, кто осталась. — Ты какая-то запыхавшаяся, — шутит она.

— Нет, ты не о том думаешь, — выдавливаю я, прижимая телефон плечом к уху, открывая кран в ванной, чтобы подставить обожженную ногу под струю холодной воды. — Я пролила на себя горячий чай.

— О Боже! Ты в порядке? Мне приехать? Или Макс дома? А от ожогов у вас что-то есть? — она заваливает меня вопросами, зная мою привычку пить чуть ли не кипятки и в её голосе тревога.

— Всё нормально, — бормочу я, прихрамывая, направляясь в гостиную. — Да, всё есть, уже иду к аптечке.

Вытаскиваю пенку от ожогов, трясущейся рукой наношу на красное, пульсирующее пятно на ноге. Пенка пощипывает, но это такая мелочь по сравнению с тем, что творится у меня внутри.

— А твой где? Куда он смотрит вообще?! — возмущается она в трубке. — Он должен был тебе помочь!

— Он..., — слова застревают где-то в горле, образуя болезненный, непроходимый ком.

— Что он? В магазин пошёл? — спрашивает Катя, не дожидаясь моего ответа.

— Не совсем.

— А где он в такую рань, в выходной день? — её голос становится чуть подозрительным. — Он же у тебя порядочный семьянин и все выходные всегда проводит с семьей.

“Порядочный семьянин”.

От этих слов, сказанных с такой лёгкостью и верой, становится так мерзко, так гадко, что я чуть ли не фыркаю. Звук вырывается сам собой. Это не смех, а что-то горловое, удушливое.

— Алиса, ты... в порядке? — гораздо тише говорит Катя. И в её голосе теперь не просто тревога, а настоящая, леденящая догадка.

Я смотрю на свою ногу, на то, как пенка постепенно тает на ожоге. Другой рукой держу телефон. И все, что держалось... все плотины, возведенные моим организмом за ночь, рушатся.

Знаете, это то самое чувство, когда ты держишься, пока твой мир разлетается на осколки, ты стоишь. Ты сильный. Ты уверен, что справишься со всем. А потом у тебя выскальзывает из рук тарелка, которую ты моешь. Обычная тарелка. И этот мелкий, бытовой провал, эта крошечная неудача, становятся последней каплей. И плотину прорывает.

Я не могу остановиться. Слезы текут горячими, солеными ручьями. Они обжигают щеки сильнее, чем чай. Я просто сижу, опершись лбом о свою холодную руку и плачу. Громко, безудержно, захлебываясь. Не в силах ничего сказать. Не в силах даже дышать нормально.

— Алиса! Алиса, ты там как?! — голос в трубке становится встревоженным, почти паническим. Я слышу, как на том конце что-то роняют, хлопает дверь.

Я пытаюсь вздохнуть, но получается только судорожный, истеричный всхлип. И из этого всхлипа, из этой бездны, вырываются слова. Те самые, которые я не могла произнести вслух даже для себя.

— Он..., — задыхаюсь. — Он... у него ребёнок от другой. И он это скрывал, — пауза. Ещё один мой судорожный вдох. — Катя, у него есть трехлетняя дочь.

На том конце тишина. Глухая, оглушительная тишина. Но она меня не волнует. Мне просто нужно было сказать это вслух. Выплеснуть эту чёрную, отравляющую правду. Произнести то, что мой мозг отказывался осознавать всё это время. Произнести эту правду вслух, чтобы она стала окончательно реальной.

— Алиса..., — голос Кати доносится через мгновение. Он дрожит, но в нём нет растерянности. Только решимость. Стальная, негибкая решимость. — Ты меня слышишь?

— Да, — всхлипываю я, чувствуя, как боль, наконец отпущенная на волю, разрывает мою душу на мелкие, окровавленные клочки.

Вот, тот самый эффект. Вот они, последствия. Боль настолько нестерпимая, что хочется выть, биться головой о стену, лишь бы заглушить это рвущееся изнутри нытьё. Я стараюсь взять её под контроль, заглушить, заставить замолчать. Но разве можно остановить цунами?

— Слышу, — выдавливаю я через силу, стиснув зубы.

— Я сейчас же приеду. Ты меня слышишь? Я выезжаю прямо сейчас. Жди меня. Ключ... так. Запасной ключ, — на том конце что-то брякает, шуршит, падает. — Нашла! Жди меня. Ясно? И не двигайся. Не смей никуда выходить!

Она отключается. И мои руки тут же бессильно свисают вниз. Телефон падает на мягкий ковер. Я смотрю на ожог, на пятно, которое становится все краснее и болезненнее, и понимаю, что не могу ничего сделать. Не могу даже нормально нанести лекарство. Пальцы не слушаются.

Точно так же, как и с моей жизнью. Только здесь я хотя бы могу превозмочь боль и нанести пенку. Снять хоть каплю болевого синдрома. А пластыря для разорванной на части души ещё не придумали. И вряд ли когда-нибудь придумают.

Глава 11

Алиса

Дверь в квартиру открывается с мягким щелчком. Я слышу знакомые, быстрые шаги по прихожей. Катя. Как она добралась так быстро? Сколько времени я просидела на полу, глядя на расплзающееся по ноге красное пятно? Время потеряло всякий смысл.

— Алиса? Девочка моя! — ее голос доносится из коридора, полный тревоги.

Она появляется в дверях. Её лицо, обычно смеющееся и озорное, сейчас искажено испугом и состраданием. Она бросается ко мне, опускается на колени и прижимает меня к себе с такой силой, что, кажется, хочет вдавить в себя, защитить от всего мира.

Я замираю на секунду, а потом, недавно высохшие слёзы снова выступают на глазах. Я пытаюсь их смахнуть тыльной стороной ладони, отчаянно пытаюсь не быть слабой, не показывать всю глубину своей боли. Но они не поддаются. Они текут и текут, бездумно, бесконтрольно, не думая останавливаться.

— Давай, родная, поплачь, — шепчет она прямо мне в волосы, пока её рука нежно гладит мою спину. — Выпусти эту боль. Давай, не сдерживай себя.

И я плачу. Не тихо, не сдержанно, а так, как плачут дети. Громко, безутешно, захлебываясь воздухом и собственными рыданиями. Я обнимаю её, вцепляюсь в её куртку и плачу, пока глаза не начинает пощипывать, пока в горле не перестаёт стоять ком. А она не спрашивает ничего. Не говорит пустых утешительных слов. Она просто держит меня. Поглаживает по спине ровными, успокаивающими движениями. И в этот миг, я до боли, радуюсь тому, что когда-то, давным-давно, дала ей запасной ключ.

Максим тогда со мной спорил. Говорил, что не надо, что нельзя доверять никому, даже лучшей подруге, что это наша частная территория. Это была одна из наших самых серьёзных, хоть и тихих, ссор. Но я всё же настояла на своём.

Катя не раз выручала нас: то проверка газа, когда мы задерживались на даче, то встретить доставку, то полить цветы, пока нас нет. Она никогда не отказывала и никогда не просила ничего взамен, хотя ей ехать до меня минут сорок без пробок.

И вот сейчас. Она здесь. Рядом со мной. Утешает меня в своих объятиях. И если бы у неё не было этого ключа, я бы, наверное, даже не встала, не открыла ей дверь. Я просто захлебнулась бы в собственной боли, сидя на этом холодном полу.

— Всё, всё, тише, — её голос звучит как якорь. — Я понимаю, что у тебя только сейчас пришло осознание. Что тебе надо это выплеснуть. Лучше?

Она спрашивает успокаивающим шёпотом, и я киваю, уткнувшись носом в её плечо. Всхлипываю, прижимаю её к себе ещё сильнее, вдыхаю знакомый запах её духов и шампуня. Это запах безопасности, запах другой, нормальной жизни.

Я постепенно успокаиваюсь. Не сразу. Ещё какое-то время я всхлипываю на её плече, но вскоре эти рвущиеся наружу дикие эмоции наконец стихают. Они не исчезают, но становятся не такими острыми, не такими осязаемо болезненными. Как будто я вновь освободила переполненный до краев сосуд внутри себя, и теперь в нем осталось место для чего-то, кроме боли.

— Ну вот, теперь другое дело, — наконец говорит она и осторожно отстраняется. Держит меня за плечи, смотрит прямо в глаза. Её взгляд тёплый, но собранный. — Легче?

— Да, — хриплю я ещё заплаканным голосом. — Прости. Я не знала, когда меня накроет. Твой голос сработал как спусковой крючок. Плюс этот чай..., — я указываю на своё бедро, где краснеет ожог.

— Да ладно тебе про “прости”. Сейчас лучше?

— Да. На порядок, — еще раз шмыгаю носом, чувствуя, как странная, осторожная уверенность медленно возвращается ко мне, заполняя собой каждую клеточку тела. Она не вытес-

няет боль, а становится её фоном. Заставляет меня выпрямить спину, расправить плечи и сделать свой первый по-настоящему глубокий, ровный вдох за эти два дня.

— Вот и отлично. Теперь я тебя узнаю, — улыбается Катя, и в ее глазах светится облегчение. — Теперь это моя Алиса.

Я смотрю на неё, пытаюсь ответить улыбкой, но у меня не выходит. Получается какая-то кривая, болезненная гримаса.

— А вот натягивать маски при мне даже не думай, — тут же вставляет она, глядя на меня с лёгким, знакомым осуждением. — Мы с тобой столько лет вместе, а ты хочешь показать мне, что умеешь играть?

— Нет, прости, — вздыхаю я. — Наверное, рабочая привычка.

— В сторону рабочие привычки. Лучше расскажи, что случилось. Всё, с самого начала.

Она становится серьезней. Поднимается, помогает мне встать, и мы идём на кухню. Садимся за стол. Она наливает две кружки чая. Одну ставит передо мной. Вторую возле себя.

— Вот теперь, я тебя слушаю, — заявляет она с полной уверенностью.

Глава 12

Алиса

Я смотрю на Катю, прикрываю глаза, делаю еще один глубокий вдох и начинаю. Рассказываю ей всё. Без оглядки, без мысли, что она обо мне подумает. Я просто излагаю факты так, как делают это на консультации мои клиенты. Чётко, последовательно.

Иногда голос срывается, иногда в нём прорывается та самая еще не остывшая ярость или недоумение. Но я говорю всё как есть. Без прикрас, без самооправданий. Про Тамару Ивановну. Про светофор. Про розовую шапку. Про “папа”. Про его “философию” на кухне. Про его предложение жить на две семьи. Про то, как он ушёл.

Она внимательно слушает. Не перебивает. Не ахает. Не жалеет. Её лицо не выражает ни единой эмоции, только глаза горят всё ярче и становятся всё холоднее. И только когда я заканчиваю свой монолог, поднимаю ладонь вверх, слегка отворачиваюсь и тяжело дышу, пытаюсь справиться с новой волной тошноты от собственного рассказа я наконец произношу голосом лишенным любых эмоции:

— Кать, ты...

— погоди, — перебивает она, и её дыхание становится более тяжелым, прерывистым. Я замолкаю. Даю ей время осознать все, что я только что ей рассказала.

Я никогда не видела ее такой. Она всегда была сгустком энергии, сарказма и неиссякаемого оптимизма. А сейчас она сидит, сжав кулаки, и дышит, как бык перед атакой.

Она резко поднимает голову. Смотрит на меня. И её глаза полны такой чистой, немой ярости, что мне становится немного страшно.

— То есть ты хочешь сказать..., — начинает она медленно, отчеканивая каждое слово, — что твой “идеальный” муж не просто загулял на стороне, а он... нашёл себе какую-то шал..., — она делает ещё один тяжёлый вдох, будто ей не хватает воздуха. — Шалаш он, значит, решил себе построить с другой?!

Она практически выкрикивает последние слова. Её щёки покрываются яркими розовыми пятнами. Явный, узнаваемый признак злости, о котором я узнала совершенно случайно много лет назад.

— Шалашом то место назвать довольно сложно, — тихо замечая я, пытаюсь вернуть разговор в более предметное русло. — Это элитный ЖК. И судя по всему, квартира там куплена довольно давно. Да и присутствует он в их жизни далеко не как “папа” выходного дня.

— Вот же..., — шипит она, словно змея. Затем начинает стучать пальцами по подлокотнику дивана, скорее всего, яростно подбирая в голове слова. Потом не выдерживает и громко, отчётливо заявляет. — У меня нет нормальных слов, Алис. Уж прости. Но этот... в общем... да чтоб его! В общем, ты же не собираешься его простить?! Ты же понимаешь, что он сотворил? Что это даже не “оступился”, не “разок”. У него ребёнок! Ре-бё-нок! Это же... это... да этот негодяй хоть раз попробовал встать на твое место?! А если бы это ты родила от другого?! Вот просто родила бы, а потом пришла к нему с тестом ДНК и сказала: “А этот ребёнок, вон от того мужика”! Что бы он сделал? Тоже бы сказал: “Ничего страшного, я готов содержать вас обоих”? — она коверкает его вчерашние слова с таким убийственным сарказмом, что я невольно улыбаюсь сквозь слёзы. — Может, и мужика твоего бы содержал, второго? А что — удобно, я считаю. И главное все счастливы! А ты в особенности.

Её возмущению нет предела, и её интонация это ясно выдаёт.

— Хотя нет, плохой пример, — тут же спохватывается она, махнув рукой. — Но, знаешь, если бы ты сказала, что залетела от другого, то я бы тебя судить не стала. Потому что нефиг было постоянно в командировках пропадать! У тебя тоже есть потребности, так-то! — тут же добавляет она, и в её глазах снова мелькает знакомый огонёк. — Ты вообще-то женщина

довольно молодая и имеешь право на желания! Удобно так устроились эти мужики. Как он пошел на сторону, так у него “потребности”, он может “содержать” вас обеих. А как женщина на сторону свернула, так сразу шалава! Я считаю, что таким мужикам, как твой муж надо прямо в лоб об этом говорить. Вот прям усаживать их за стол и спрашивать, а что если я найду себе другого?

Я смотрю на неё, на эту экспрессивную, горячую, искреннюю речь. На ее разгоряченное гневом лицо. И понимаю. Понимаю до мурашек, до щемящей боли где-то рядом с сердцем, что у меня есть она.

Та, кто всегда будет за меня горой. Пусть это пока только крохотная, шаткая опора в моём рухнувшем мире. Но она уже здесь. Она уже помогает мне встать. Даже если вот так громко, нецензурно и экспрессивно. Это мой тыл. Мой единственный, но нерушимый тыл. И пока она здесь, я не разобьюсь окончательно.

Глава 13

Алиса

Мы сидим на кухне за столом, допивая уже остывший чай. Я успокоилась. Слез больше нет, внутри ровная, холодная пустота, но уже не та, что была раньше. Это пустота после бури. Она позволяет думать. Анализировать. Мыслить.

Катя все еще смотрит на меня с тихой тревогой, но уже без паники. Её приезд, её гнев, её объятия — всё поставило меня на ноги. Теперь именно я должна сделать следующий шаг.

— И что ты думаешь сейчас делать? — спрашивает она осторожно, обхватывая ладонями кружку. — Как... скажешь Артёму?

Я вздыхаю. Этот вопрос висел в воздухе с самого начала, но только сейчас он обрел ясность.

— А как я могу ему сказать? Только прямо. Он не маленький, должен понять. Плюс ты же сама знаешь, что в таком возрасте с ними надо говорить как со взрослыми, иначе будет только хуже. А наша семья и так на грани. Портить отношения еще и с сыном я не хочу.

— А если он будет защищать отца? — тихо роняет Катя. — Ты же знаешь, насколько у них сильная связь. Если начнет бунтовать? Будешь пытаться его переубедить?

Я задумываюсь. Сердце сжимается от предчувствия новой, ещё более страшной боли. Что я буду делать, если мой сын посмотрит на меня с недоверием или с обвинением? Уговаривать его понять меня? Доказывать что-то? Объяснять?

— Нет, наверное, не буду, — говорю я себе и ей одновременно. — Мне будет больно. Ещё больнее, чем от предательства мужа. Потому что предательство детей... оно куда глубже. Оно попадает прямо в самое сердце. Но я не могу запретить ему любить и защищать отца. Каким бы тот ни был. Это его право. И его боль.

Я смотрю на Катю.

— Но ты же должна попробовать достучаться до него. В любом случае, будет лучше, если именно ты расскажешь ему правду такой как она есть, а не его отец, который все исковеркает и преподнесет со стороны, где виновница именно ты.

— Я знаю, — честно говорю. — Но при этом я не могу его заставить выбрать кого-то из нас. Был бы он маленьким, я бы пыталась ему объяснить, что такое хорошо и что такое плохо, но он подросток. И далеко не глупый подросток. Так что... я правда не знаю, Катя. И честно говоря, не хочу пока об этом думать. Это выше моих сил в данный момент, — я чувствую, как к горлу подкатывает новая волна усталости. — Я просто расскажу ему всё как есть. Если этого ещё не сделал его отец. А дальше... дальше будем смотреть по ситуации.

— Боже, — качает головой Катя. — Это ж надо было тебе угодить в такую ситуацию. Ещё и эта клиентка. Ты же не думаешь, что это совпадение? Это явно мамаша той... его девочки. Она пришла заявить права на твоего мужа. Чтобы разрушить вашу жизнь, чтобы подстелить своей дочке соломку. Она пошла ва-банк, а дальше вам “помогла” сама судьба, если так можно сказать.

— Я также думаю, — киваю я. — И надеюсь, что она больше не заявится ко мне на приём.

— А она записалась на повторный? — глаза Кати округляются от шока.

— Да, в тот же день. На следующую среду.

— Ну слушай, если она придёт... то это будет просто верх наглости и цинизма.

— Ты права. Это будет слишком. Даже для неё. И даже если это касается её дочери...

Я замолкаю на полуслове. Дверь в квартиру открывается. Звук ключа, щелчок замка. Мы с Катей замираем, как школьницы, пойманные за чем-то запретным.

— Мам, я дома! — раздаётся голос Артёма из прихожей. Я слышу, как он скидывает рюкзак, пинает кроссовки. — Прости, что вчера поздно предупредил о том, что задержусь. Я отцу днём говорил. Думал, он передаст.

Катя смотрит на меня. В её взгляде та же самая застывшая боль и паника, что и наверное сейчас есть и у меня. Он не знает. Максим ему не сказал. Или сказал, но какую-то свою, удобную версию? Сердце начинает колотиться где-то в горле.

Я поднимаюсь со своего места. Ноги чуть дрожат, но держат. Выхожу из кухни в коридор.

Артём стоит, доставая что-то из кармана куртки. Увидев меня, он улыбается своей обычной, немного ленивой улыбкой.

— О, ты тут, — улыбается он.

— Да, отец сказал, что ты останешься у друга. Всё хорошо?

— Да, — он пожимает плечами. — Просто решили посидеть все вместе, раз пятница. Там у него предки новую игру купили для приставки.

— Футбол? — улыбаюсь я, стараясь, чтобы голос звучал естественно.

— Аaaa, смекаешь, да? — смеётся он, и в его глазах мелькает одобрение. Я ещё не совсем отстала от жизни.

— Смекаю, смекаю, — отвечаю я, уже привыкшая к его подобным разговорам. Другое поколение. Свои словечки, фразы, мемы. Сначала они меня слегка раздражали, а сейчас я готова слушать их часами, лишь бы этот момент, этот хрупкий мир, продлился ещё немного.

— Тогда отлично. Мам, я к себе тогда пока пойду. У нас, кстати, есть, что перекусить.

С кухни выходит Катя. Её лицо уже приветливо улыбается.

— О, тётъ Катъ! А вы тут как?

— Зашла к твоей маме в гости, — легко отвечает она. — Надо же иногда культурно пообщаться, а не только в телефоне чатиться.

— А, ну понятно, — кивает Артём. — Вы там, надеюсь, винишко из холодильника не всё выпили?

— Мы не пили, — спокойно говорю я, хотя внутри всё сжимается от его непринужденного тона. Он живёт в том мире, где всё ещё нормально.

— Это вы молодцы, — бросает он и уже направляется к своей комнате.

— Я, наверное, пойду, — Катя кивает в сторону уходящего сына, а потом смотрит на меня. Её взгляд говорит яснее слов. Он буквально кричит: «Вам надо поговорить. Сейчас. Пока не поздно».

Я киваю в ответ.

— Хорошо.

Она проходит в коридор, начинает обуваться. Надевает свою совсем тонкую осеннюю куртку.

— Катя, там лето что ли? — ворчу я, переключаясь на бытовые мелочи, чтобы не сойти с ума. — Заболеть решила?

— Да, знаешь, как-то не до этого было, — отмахивается она. — Схватила, что первое под руку попало, и к тебе.

— Ладно... Спасибо, что приехала. Без тебя я бы, наверное, с ума сошла со своей болью.

— Не переживай. Я всегда рядом. Как этот... Чип и Дейл! — смеется она, пытаясь разрядить обстановку. — Давай. Я буду держать за тебя кулачки, а ты как поговоришь, сразу звони. А если все пойдет не по плану, то лучше приезжай. Можно без звонка.

— Хорошо.

Она уходит. Я закрываю за ней дверь. Звук щелчка замка снова кажется таким громким в тишине. Я оборачиваюсь, прислоняюсь спиной к двери и смотрю вглубь коридора.

Всего десять шагов до его комнаты. Потом два шага направо от моей спальни. Расстояние, которое я преодолевала тысячи раз, чтобы позвать к ужину, чтобы сказать, что пора спать, чтобы просто проверить, как он. Обычное, домашнее расстояние.

Сейчас оно кажется огромным. Бескрайним полем, усеянным минами. Каждый шаг отдаётся эхом в моей пустой грудной клетке. Каждое слово, которое я скажу, навсегда изменит его мир. И мой.

Мне потребуются все мои силы, вся моя любовь к нему и вся моя боль, чтобы преодолеть эти десять шагов и постучать в его дверь. Чтобы начать тот разговор, после которого ничего уже не будет по-прежнему. Ни для него. Ни для меня.

Глава 14

Алиса

Подхожу к двери в комнату сына и тихонько стучу. Сердце бьется где-то в горле. Артем подросток. Его вспыльчивость — это его суть в этом возрасте, но выбора у меня нет.

— Да? — раздаётся из-за двери.

— Можно? — толкаю дверь вперед, переступая порог его комнаты.

— Мам, что-то случилось? — спрашивает Артём, стоя посреди своей комнаты.

Он смотрит на меня с лёгким прищуром, в котором читается не детская напряжённость. Он чувствует, как воздух в квартире становится тяжелым.

Я делаю глубокий вдох, пытаясь втянуть в себя хоть каплю уверенности, но, кажется, ничего не получается.

— А тётя Катя что у нас делала? — спрашивает он на опережение, и я замечаю, как в его голосе скользит легкое подозрение, предчувствие.

— Она приходила поговорить со мной. Артём, нам нужно с тобой кое-что обсудить, — произношу я. Каждое слово выходит туго, будто я вытаскиваю его из глубокой, вязкой трясины.

— О чём? — он еще не подозревает, что его ждет, но я уже кончиками пальцев, всем нутром ощущаю, как земля уходит из-под его ног. Как сейчас дрогнет, а потом рухнет его мир.

— Дело в твоём отце. Мы... мы с ним будем разводиться. В ближайшее время.

Я говорю Артёму правду, глядя прямо в глаза. Не отвожу взгляд, даже когда вижу, как его лицо сначала озаряется недоумением, потом скептицизмом. Вижу, как его мир, такой прочный и понятный, начинает трещать по швам.

— Чего? — он моргает. — Мам, что за шутки в такое время? Какой развод? Ну ты даёшь, — усмехается он. — У тебя вроде уже возраст, чтобы так шутить, — пытается отшутиться он.

Затем проходит мимо меня, подходит к стулу, скидывает толстовку и бросает её на его спинку с привычным, размашистым жестом. Он отворачивается, начинает что-то искать на столе, делая вид, что это просто неудачная попытка пошутить.

— Артём, посмотри на меня.

— Мам, да хватит. Я не хочу слышать подобные шутки. Это не смешно. Слушай, а у нас что сегодня на ужин? Я дико голодный.

— Артём! — я чуть повышаю голос, не кричу, а просто придаю ему твердость, чтобы вернуть себе и ему хоть тень контроля. — Я не шучу. Я говорю тебе правду. Мы с твоим отцом разводимся. В ближайшее время я подам на развод. Тебе стоит подумать, с кем из нас ты останешься, так как ты уже довольно взрослый и имеешь право выбора.

Он замирает. Стоит ко мне спиной, с рюкзаком в одной руке. Его плечи напрягаются. Он медленно поворачивается. Смотрит на меня. И в его глазах я вижу ту самую секунду, когда до него доходит. Это не шутка. Мама не шутит таким тоном. Мама никогда не смотрит на него пустыми, выжженными глазами.

— То есть ты говоришь, что вы разводитесь... на полном серьёзе? — его голос становится тише, глуше.

— Да, — тяжело выдыхаю я.

— И почему же?

Потому что твой отец... У твоего отца... Слова застревают в горле, образуя болезненный, колючий ком. Я заставляю себя произнести их. Чётко. Без дрожи.

— У твоего отца есть другая женщина. И... ребёнок.

Артём слегка отшатывается. Его лицо бледнеет.

— Нет, мам. Этого не может быть. Ладно, я еще могу понять развод, не сошлись характерами, поссорились и эмоции взяли верх, но то, что ты говоришь сейчас..., — он мотает

головой, как бы отгоняя назойливую муху. Но в его глазах уже не уверенность, а паническое отрицание.

— К сожалению, это правда. У него растёт дочь. О которой я не подозревала. Ей три года. Она реальна, Артём.

Я вижу, как ему больно. Вижу, как эта боль отражается в его глазах. В тех самых, что так похожи на глаза его отца. Но я обязана сказать всё как есть. Он должен знать всю чудовищную правду, чтобы понять. Чтобы осознать, что это не просто ссора, где мама и папа поругались и разошлись на ровном месте. Это удар. Подлый, расчетливый удар от его отца. Удар по мне. По нашей семье. По всему, во что мы верили все эти годы.

Он стоит, сжав кулаки. Дышит часто, рвано. И внезапно с какой-то неприсущей ему остервенелостью швыряет рюкзак в стену. Тот ударяется с глухим стуком и падает на пол. Учебники, канцелярия, все рассыпается по полу.

— ТЫ ВРЁШЬ! — кричит он, и его голос, ломающийся на взрослый баритон, полон такой ярости и боли, что мне хочется закрыть уши. — Мой папа не такой! Он бы так не поступил! Это ты всё выдумала! От скуки! От... от зависти!

Его неверие бьёт меня с новой, неожиданной силой. Больше, чем холодное признание Максима. Больше, чем вид той девочки. Потому что это мой сын. И он выбирает не верить мне. Он выбирает обвинить меня. Я чувствую, как между нами в эту секунду проходит глубокая, ледяная трещина. Она растёт, расширяется, угрожая разломить нас навсегда.

— Артём, тебе придётся принять этот факт, — говорю я, и мой голос звучит устало, но без колебаний. — Я всё видела собственными глазами. И я могла бы списать на то, что мне показалось. Но он сам во всём признался. Он сам сказал, что это правда. Что та девочка — его дочь.

— Он бы сказал! — почти рычит Артём, подступая ко мне, но, кажется, не слушая то, что я говорю. — Мне бы сказал! Может, не тебе, но мне бы точно сказал! Мы же... мы с ним всё и всегда обсуждаем! Мы делимся с ним всем.

— Он бы не сказал, Артём, — тихо возражаю я. — Это невозможно. Как ты себе это представляешь?

— Не знаю! Не важно! Но он бы мне рассказал, мама!

В его крике мольба. Он хочет, чтобы я призналась, что сошла с ума, что это чудовищная ошибка. Он умоляет вернуть ему его стабильный, понятный мир, где папа — герой, а мама иногда слишком строга.

— Артём, прошу, услышь меня, — умоляю я, уже чувствуя, что теряю его. — Дело не в том, кто кому и что должен был сказать. Дело в том, что теперь это наша новая реальность. И нам с ней жить. Каждому из нас. Принимать или нет, это твоё право. Но я надеюсь, что ты меня услышал. Пожалуйста, подумай над тем, что я сказала. Я понимаю, что тебе понадобится время...

— Мама, выйди, — шипит он уже не криком, а каким-то сдавленным, остервенелым шёпотом. В этой интонации, в этом взгляде, точь-в-точь как у отца, та самая ярость, что была вчера в глазах Максима. Генетика. Проклятая генетика.

— Артём...

— Мама, я сказал, оставь мою комнату. Я не хочу сейчас ни о чём говорить. И слышать тоже ничего не хочу. Даже не думай проворачивать со мной все эти свои психологические трюки!

Его слова как пощёчина. Он знает, куда бить.

— Артём, я просто хочу помочь тебе справиться...

— МАМА, ВЫЙДИ! — кричит он так сильно, так пронзительно, что у меня в ушах начинает звенеть. Я слегка вздрагиваю, отступаю на шаг. Не от страха. От боли. От вида его искаженного страданием лица.

Я смотрю на своего сына. На этого высокого, почти взрослого парня, который сейчас снова стал маленьким, испуганным мальчиком, но который выбрал защищать не маму, а своего идеального отца. Я вижу в его глазах ту самую боль, которую хотела смягчить, но не смогла.

Я медленно киваю. Ничего не говоря, осторожно прикрываю за собой дверь в его комнату. Не захлопываю. Просто прикрываю, оставляя щель, как будто оставляя ему лазейку.

Выхожу в коридор.

Прислоняюсь спиной к стене напротив его комнаты. Колени подгибаются, но я стою. Молча, с невыносимой болью на душе, уставившись в противоположную стену.

— Алиса, успокойся, — шепчу я сама себе, обхватывая себя руками. Голос в голове звучит так же, как я обычно говорю своим клиентам в острых фазах отчаяния. — Невозможно помочь тому, кто не хочет принимать помощь. Он в стадии отрицания. Сильнейшего отрицания. Это нормальная реакция на травму. Просто подожди. Дай ему время. Это единственное, что ты сейчас можешь сделать для него.

Я знаю это. Как профессионал, я понимаю каждую стадию его горя. Но как мать... как мать я чувствую, как каждый его крик, каждое обвинение режут меня изнутри острее любого ножа. Я только что потеряла мужа. И теперь, кажется, начинаю терять сына.

Глава 15

Алиса

Я допиваю свой утренний кофе перед работой. На кухне тихо. Артём так и не вышел из своей комнаты. Я не давлю на него, не лезу с разговорами, не стучусь. Ему, так же как и мне, нужно время. Время, чтобы всё осознать, переварить ту ситуацию, в которой мы все оказались.

Внезапный щелчок замка заставляет меня вздрогнуть. Кровь на секунду стынет в жилах. Дверь открывается. В прихожей слышны шаги. Тяжелые, уверенные. Максим. Он вернулся.

Но какая-то натянутая до предела струна интуиции внутри меня подсказывает, что он пришёл не для того, чтобы просить прощения. Да и кому оно сейчас нужно, это дешёвое, запоздалое извинение? Я не встаю, не иду его встречать, не устремляюсь выяснять отношения. Всё и так предельно ясно. Мы уже сказали всё, что хотели.

Он проходит мимо кухни, удостоив меня лишь коротким, тяжёлым взглядом. В этом взгляде нет раскаяния. Есть усталое, глубокое раздражение. Максим, судя по всему, играет роль “обиженного”. Того, кого несправедливо обвинили, и теперь он вынужден разгребать последствия.

Он направляется к комнате Артёма. Слышен тихий, но настойчивый стук в дверь.

— Артём, это я. Открой.

В ответ тишина. Та самая, которую я слышала всю ночь.

Он ждет пару секунд, потом возвращается ко мне. Останавливается в дверном проеме, опираясь плечом о косяк. Его поза расслабленная.

— Я так понимаю, ты ему всё рассказала? — спрашивает он. Голос ровный, но в нём упрёк. Его взгляд говорит больше, чем слова. Он зол. Не на себя. На меня. За то, что я разрушила его иллюзию нормальности, за то, что вскрыла гнойник.

— А ты предлагаешь молчать и делать вид, что ничего не случилось? — спокойно, даже холодно отвечаю я. — Он взрослый парень. И он имеет право знать, какой ты на самом деле. Тем более развод и разъезд родителей, не скроешь. Это очевидно, и лучше ему узнать обо всем сразу.

— Алиса, прекрати нести всякую чушь, — отмахивается он. — Я остался точно таким же, каким и был. Именно тем, за кого ты когда-то вышла замуж.

Эти слова, произнесённые с такой уверенностью, с таким полным отсутствием саморефлексии, вызывают во мне острое, почти физическое отвращение.

— Я не выходила замуж за того, кто предаёт, Максим. Мой муж был человеком, который дорожит мной, нашими отношениями и нашим ребенком. Сейчас всё не так. Далеко не так.

Он смотрит на меня секунду, будто решая, какую тактику выбрать дальше. Потом пожимает плечами.

— Хорошо. Если ты так думаешь, то будь по-твоему. Но скажу тебе сразу. Я не собираюсь отказываться от Артёма.

От этих слов в груди всё сжимается в тугую, болезненный узел. Он даже не понимает. Не понимает всей чудовищности ситуации. Для него это просто передел имущества. Сын, как часть имущества, от которой он не готов отказаться.

— А ты разве уже не сделал этого? — тихо спрашиваю я. — Или ты представишь ему свою дочь как сестрёнку? “Вот, Артём, познакомься, это твоя сестра. Только мама у неё другая, а папа я”. Так, ты себе это представляешь?

— Алиса! — его голос резко обрывает меня. В нём звучит предупреждение. Граница. За эту границу я переходить не должна.

Я отворачиваюсь к окну. Больше не хочу видеть его лицо. В груди всё свербит, но я не даю этому чувству вырваться наружу.

Он разворачивается и снова уходит. Стук в дверь сына становится громче, настойчивее.
— Артём, открой. Нам надо поговорить.

Тишина. Потом скрип. Дверь открывается. Я невольно замираю, прислушиваясь, хотя знаю, что не должна. Но не могу.

— Привет, — голос Максима звучит нарочито спокойно, обволакивающе.

— Это правда? — сразу, без предисловий, спрашивает Артём. Его голос полон той самой хрупкой, детской надежды, которую я вчера пыталась не разрушить, но была вынуждена. Надежды на то, что отец сейчас скажет, что всё это страшный сон, что мама ошиблась, что он всё объяснит. — Вы разводитесь?

Я слышу, как Максим делает паузу. Короткую, но очень весомую.

— Я не собираюсь разводиться, — говорит он твердо, убедительно. — Это твоя мать сходит с ума. Она заладила про развод.

Я аж фыркаю в пустоту кухни. Слова застревают в горле. У него вторая семья, трёхлетняя дочь, а я схожу с ума. Идеальная логика.

— Но послушай меня внимательно, — продолжает Максим, и его тон становится доверительным, мужским. — Пока обстановка в нашей семье, мягко говоря, напряженная, я предлагаю тебе пожить со мной. Успокоиться. Отвлечься. У нас же есть свободная квартира. Ты будешь сам себе хозяин. Никаких упрёков, никаких истерик.

Я резко выдыхаю. Сердце начинает колотиться где-то в висках. Он хочет отнять у меня сына. Не силой, а аккуратно, с помощью манипуляций, переманить на свою сторону. Предлагает ему “свободу”, “отсутствие истерик”. Ставит меня в роль ненормальной, неадекватной истерички, а себя в роль спасителя, островка стабильности.

Я встаю и тихо иду к ним. Не врываюсь. Просто подхожу и останавливаюсь в двух шагах, опираясь о стену. Они оба видят меня. Артём смотрит на меня с каким-то испуганным вызовом. Максим с холодным презрением.

— Давай, решайся, Артём, — говорит Максим, не глядя на меня. Всё его внимание сосредоточено на сыне. — Пока мама не опомнится и не прекратит этот театр абсурда. Поживёшь со мной. Как взрослый.

Я вижу, как он ловко, почти виртуозно вертит словами. Он не говорит “Выбирай между мной и мамой”. Он говорит: “Убег от проблем к спокойствию. Ко мне”. Он представляет ситуацию не как трагедию, а как ссору, где мама “не понимает” его мужских потребностей, а он, бедный, просто пытается сохранить мир для сына.

И я вижу, как это работает. Артём, обожающий отца, сбитый с толку, обиженный на меня за то, что я разрушила его идеал, соблазненный миром успеха, свободы и мужского понимания, который рисует Максим... Он бегаёт глазами от меня к отцу, потом обратно. Его лицо выражает мучительную нерешительность.

Мой мир замирает на эти несколько секунд. Время растягивается. Я вижу каждую морщинку на его лбу, каждый проблеск в его глазах. Я молчу. Я не умоляю. Не кричу: “Не верь ему!”. Потому что я знаю, что это будет воспринято как очередная истерика. Я просто смотрю. И молюсь про себя, чтобы он увидел. Увидел подвох. Увидел ложь в глазах отца.

Но он — его отец, его герой. Герой, который сейчас протягивает ему руку помощи, предлагает спасательный круг.

Артём немного мнётся. Вздыхает. Потом смотрит на отца и кивает. Один раз. Коротко.

— Хорошо. Ты прав. Я лучше... я лучше поживу у тебя.

Боль от его слов огненная, прожигающая душу насквозь. Она не кричащая, не рвущаяся наружу. Она тихая, всепоглощающая, как белый пепел после пожара. Я чувствую, как что-то внутри отмирает, превращается в уголь.

Максим кладёт руку ему на плечо, ободряюще похлопывает. На его лице играет едва уловимая победоносная улыбка.

— Иди собирай вещи, — говорит он Артёму. — Я подожду.

Артём бросает на меня последний, быстрый, виноватый взгляд и скрывается в комнате.

Мы с Максимом остаёмся вдвоём в коридоре. Он медленно поворачивается ко мне.

— Видишь? — тихо говорит он. — Ему нужна стабильность. А не истерики. Одумайся, Алиса. Прекрати свою песню с разводом. Подумай еще раз. Я дам тебе пару дней, а потом вернусь. Подумай, ты настолько хочешь развестись, что готова потерять собственного сына? Или в тебе просто говорит гордость?

Я не отвечаю. Я просто смотрю на него. Смотрю на этого человека, который только что на моих глазах совершил самое страшное предательство. Он использовал любовь нашего сына как оружие против меня.

Глава 16

Алиса

Руки слегка дрожат. Я сжимаю их в кулаки, чтобы остановить эту предательскую дрожь.

Они ушли. Оба. Артём даже слова не сказал на прощанье. Не обнял, не посмотрел в глаза.

Он просто пошёл за отцом, как за гидом, в незнакомом, но манящем месте. А Максим... он даже не оглянулся. Его спина была прямая, уверенная. Он сделал это специально. Я понимаю это той частью себя, которая всё ещё профессионал, которая сейчас, как хирург, вскрывает эту гниющую рану, стараясь всё держать под контролем. Именно эта часть не позволяет моей раненой, кричащей душе окончательно сломаться и рухнуть на пол.

В квартире воцаряется звенящая, невыносимая тишина. Та самая, что была вчера, но теперь она в тысячу раз громче. Потому что он забрал с собой не только сына, но и звук. Звук жизни этого дома, музыку из его комнаты, скрип стула, его голос, спрашивающий: “Мам, что на ужин?”

Мне нужно с кем-то поговорить. Высказать всё это вслух, чтобы в голове, забитой ватой отчаяния и гулом паники, наконец прояснилось. Чтобы этот ужасный внутренний шум стих хотя бы на минуту.

Достаю телефон. Пальцы находят нужный номер сами. Катя. Она уже знает. Она ждёт.

Один гудок. Два. Три. Они не нервнируют, а успокаивают. Это ритм. Порядок. Кто-то на том конце провода живёт обычной жизнью и сейчас ответит.

— Алло? — её привычный, спокойный голос сегодня звучит напряженно, настороженно.

— Алис? Я тебя потеряла. Ты почему не позвонила сразу? Как Артём? Что он сказал? Он понял тебя? Хотя о чём это я, конечно, он все понял. Он же мужчина, он всё должен понять, защитить тебя, поддержать... — не унимается она, вываливая поток тревожных вопросов, как будто пытаюсь заговорить чёрную пустоту, которую, она чувствует на другом конце.

— Катя, — едва слышно перебиваю её. Голос звучит хрипло.

Она замолкает. Наступает секундная пауза, полная ужасающего предчувствия.

— Да?

— Он встал на его сторону, — выдавливаю я. — Он не верит мне. Он говорит, что отец бы так не поступил.

— Да ладно?! — в её восклицании нет вопроса, только шок. Я слышу, как на том конце что-то стучит, будто она грузно опускается на стул. — Да, нет же, Алис. Артём... он же взрослый парень. Он... да что ж такое-то? Алис, мне приехать? Я могу тебе чем-то помочь?

— Нет, — говорю я, и в этом отказе есть какая-то странная сила. — Я собираюсь на работу. Просто... хотела поделиться с тобой. Он не просто встал на его сторону, Катя. Он уехал с ним.

— С ним? Куда?

— На нашу вторую квартиру. Ту, где делают ремонт, к сдаче.

— Пф! — она фыркает с таким презрением, что мне на миг становится легче. — А что ж, этой “ненаглядный” не потащил его к своей пассии? Или что? Боится знакомить сына со своей семьёй? А что, это так? Думает, что он её не примет и откажется от него? Или это какой-то новый способ изощенного давления на ребёнка?

— Не на ребёнка, — поправляю я её, и голос мой набирает твердость. — А на меня.

— В смысле, на тебя?

— Он не хочет развода. И пытается сейчас давить на меня через сына.

Катя на секунду замолкает. Потом медленно, растягивая слова, как будто разгадывая сложную головоломку, говорит:

— Погоди. Что значит, не хочет развода? У него есть вторая семья, Алиса! Пусть собирает вещички и шурует туда. Его дочери три года! Три! Пусть катится к ним. Почему он держится за тебя? Деньги? Да, он сам неплохо зарабатывает. Статус? Да, я думаю, ему плевать на него, никто в его сфере не осудит его из-за развода. Тогда что? Почему он продолжает вести двойную жизнь?!

Её вопросы точные. Они пробиваются сквозь туман моей боли, обнажая самую странную, нелогичную часть этой катастрофы. Она права. Почему?

Я задумываюсь. Сердце колотится, но мозг начинает работать, анализировать. Максим не из тех, кто цепляется за прошлое из сентиментальности. Он прагматик.

— Я не знаю, — честно признаюсь я. — У меня нет ответа на этот вопрос. Единственное, что я могу сейчас понять и осознать... что он скорее всего категоричен в своём решении. Он не хочет развода. И он дал это понять своей пассии. Поэтому... поэтому её мать пришла ко мне на приём.

Я произношу это вслух, и кусочки пазла с ужасающей чёткостью встают на свои места.

— Поэтому она пошла ва-банк и вывалила это всё на меня. Чтобы расшатать ситуацию. Чтобы заставить его сделать выбор. А он... выбор уже сделал. В пользу двух семей. И я — часть этой картины, которую он не хочет менять.

— Ты права, — тихо говорит Катя. — Он не хочет развода. И, видимо, он в этом вопросе слишком... категоричен.

— И уверен в своей правоте, — добавляю я, и мой голос окончательно обретает уверенность. — Он считает, что имеет на это право.

— Так, Алиса, ты меня пугаешь, — говорит Катя, и в её голосе снова прорывается тревога, но теперь уже другого рода. Не за моё состояние, а за мои намерения. — Скажи, что думаешь делать? Может, мне сегодня приехать к тебе?

— Не стоит. Я справлюсь.

— Справишься? И что же ты будешь делать, учитывая его позицию и нежелание разводиться?

Я смотрю в окно. На серое зимнее небо. На голые ветки деревьев. И делаю выбор. Не эмоциональный. Стратегический.

— Я буду готовиться к разводу. Найду адвоката. Составлю список всего совместно нажитого имущества. И буду разводиться. У меня нет другого выбора, Катя. Я не хочу, и не могу хвататься за брак, который уже рассыпался в прах. Это... это слишком низко для меня. Слишком унижительно.

— Алис..., — её голос становится тише, мягче. — Но ты же его любишь. Вы столько лет вместе... Может, стоит попробовать ещё поговорить? Я не отговариваю тебя от развода, тут ты права. Развод в вашем случае неизбежен. Но может, хотя бы разведётесь полюбовно, не портя отношения окончательно? Ради Артёма.

Её слова на секунду ранят. Потому что они правдивы. Потому что где-то глубоко, под всем этим льдом и яростью, ещё теплится эта любовь.

— Катя, я люблю его, ты права, — тихо признаюсь я. — Мы столько лет вместе, и их не перечеркнуть парой дней. Тем более привычка, совместный быт... Я понимаю, что мне будет этого не хватать. Что будет тяжело и больно. Но...

— Но что? — осторожно спрашивает она.

Я делаю паузу. Ищу слова. Не психологические термины. Самые простые, человеческие.

— Но как бы сильно я его ни любила, Катя... себя я хочу любить больше. Больше, чем его, — эти слова, произнесённые вслух, становятся откровением. Для неё. И для меня самой. — А закрыть сейчас на все глаза, — продолжаю я, и голос крепчает, — это значит позволить ему и дальше вытирать об меня ноги. Это значит прогнуться. Ради удобства? Ради призрач-

ного комфорта? Но ни один комфорт, Катя, не перекроет ту боль, которую я испытала от его предательства. Ту боль, которую испытываю сейчас, глядя на пустую комнату сына.

— Ох, Алиса..., — вздыхает она. — Это будет тяжело. Ты же понимаешь?

— Понимаю. Но лучше уйти сейчас, чем потратить на него всю оставшуюся жизнь, а потом жалеть. Ведь каждый год его лжи... он отнимает год и у меня. Это год моей жизни. Год, который я могла бы прожить честно. С уважением к себе.

Я слышу, как Катя снова глубоко вздыхает, но теперь в этом вздохе слышится принятие. И даже гордость.

— Ладно, — говорит она решительно. — Тогда действуй. Хочешь, чтобы я помогла тебе с поиском адвоката? У меня знакомый есть хороший. С такими, как твой Максим, разберется в два счета.

— Да, — говорю я. — Найди. И скинь контакты. Я позвоню ему сегодня же. Если Максим отказывается от развода, значит это сделаю я.

Глава 17

Алиса

Я провожаю клиента до двери. На моём лице профессиональная улыбка. Она теплая, участливая, но до глаз не доходит. Это меня и выдаёт.

— Помните, Анастасия, ваша тревога — это сигнал. Но не приговор вашим отношениям. Поработайте над упражнениями, которые мы обсудили. И, главное, говорите с мужем. Не обвиняя, а говоря о своих чувствах. До встречи через неделю.

Она кивает, с благодарностью пожимает мне руку и выходит. Я остаюсь в коридоре и тут понимаю, что на меня смотрят.

Девочки-администраторы поглядывают из-за стойки с открытой, наивной тревогой. Одна из них, самая молодая, не выдерживает и останавливает меня по дороге обратно в кабинет.

— Алиса... у тебя всё в порядке? — спрашивает она осторожно, как будто боится спугнуть. — Ты сегодня какая-то... бледная.

Я заставляю свои губы растянуться в улыбку. Натянутую, но, кажется, достаточно убедительно.

— Да, спасибо, Юль. Со мной всё в порядке. Просто голова немного болит. Скоро пройдёт.

Они кивают, но в их взглядах все еще читается сомнение. Они чувствуют фальшь. Но они не мой муж и не мой сын. Они не будут копать глубже. Я профессионал. Я умею держать лицо.

Возвращаюсь к себе в кабинет. Тихий гул компьютера и больше никаких звуков. До следующего клиента у меня есть еще двадцать минут. Я не могу сидеть просто так. Если я остановлюсь, то мысли, как стая голодных собак, набросятся и разорвут меня.

Я начинаю наводить порядок. Протираю уже чистый стол влажной салфеткой с антисептиком, выкидываю её в урну. Меняю картридж в аромадиффузоре. Старый, успокаивающий запах лаванды теперь кажется приторным и удушающим. Вставляю новую с ароматом розы. Резкий, чистый, почти холодный аромат заполняет пространство. Он должен перебить запах моего страха.

Сажусь за ноутбук. Открываю браузер. Палец замирает над строкой поиска. Сначала надо разобраться как действовать. Не эмоционально. Практически. Пошагово.

Набираю порядок действий при разводе с несовершеннолетними детьми.

Мир сужается до экрана. Статьи, форумы, юридические порталы. Я открываю первую попавшуюся памятку. Дрожащим почерком переписываю к себе в блокнот список действий.

1. Найдите адвоката.
2. Подготовьте документы (паспорта, свидетельства, брачный договор, если имеется).
3. Подайте заявление в суд о расторжении брака или доверьтесь своему адвокату.
4. Подайте заявление об определении места жительства ребёнка.
5. Иск о взыскании алиментов с ответчика.
6. Исковое заявление о разделе совместно нажитого имущества.

Голова гудит от этой казенной, бездушной информации. Каждый пункт — не просто строчка. Это действие, которое навсегда разделит мою жизнь на “до” и “после”. И это мне предстоит пройти совершенно одной.

— Ладно. Начнем с малого. Надо определиться с адвокатом, — решаю я. — А там, может, мне помогут и расскажут, как я могу сбросить с себя хотя бы часть этой бумажной волокиты. Чтобы как минимум не остаться без работы, пока этот ужас не закончится.

Разблокирую телефон. Катя уже скинула контакты какого-то агентства. Нахожу их сайт. Он выглядит презентабельно, но без вычурности. Отзывы неплохие, опыт большой. Основная специализация — на семейных спорах. Беру телефон.

Звоню.

— Добрый день. Слушаю вас, — отвечает женский, вежливый, но без эмоций голос.

— Здравствуйте, вас беспокоит Горская Алиса. Мне нужна консультация по бракоразводному процессу. Сложный случай, есть несовершеннолетний ребёнок и спор об имуществе.

— Понимаю. Сейчас посмотрю график адвоката, — на той стороне повисает минутная тишина. — У вас есть возможность приехать на консультацию в четверг, в восемнадцать ноль-ноль?

Четверг. Это через два дня. Два дня в этом подвешенном состоянии.

— Да, мне подходит.

— Отлично. Я вас записываю. Ваши данные, пожалуйста.

Я диктую. Имя, фамилия, телефон. Мой голос ровный, деловой. Я будто записываюсь к стоматологу, а не к тому, кто сможет окончательно поставить точку в моем некогда крепком браке.

— Если вы решите отказаться от встречи, то, пожалуйста, сообщите нам заранее, — говорит в конце девушка стандартную фразу.

Я не выдерживаю и усмехаюсь. Звук выходит сухой, горький.

— А что, у вас часто бывает так, что люди передумывают разводиться? Развод не похож на тот шаг, к которому подходят необдуманно.

На том конце секундная пауза. Потом голос секретаря звучит так же ровно, но чуть теплее.

— Знаете, бывает. Кто-то понимает, что погорячился. Кто-то находит другого адвоката подешевле или, как им кажется, получше. Кто-то просто не приходит. Поэтому... да, всякое бывает.

— Но, в таком случае, у вас занимают время, которое мог бы взять тот, кому действительно нужно, — заканчиваю я её фразу.

— Вы правы. К сожалению, такое не редкость.

— Я вас понимаю в этом плане. Не переживайте, я буду вовремя.

Мы прощаемся. Я кладу трубку и смотрю на экран. Встреча назначена. Первый шаг сделан. Это не приносит облегчения. Только подтверждает реальность происходящего.

Внезапный стук в дверь заставляет меня вздрогнуть и инстинктивно захлопнуть крышку ноутбука, как будто меня поймали на чём-то постыдном. Собираюсь с духом.

— Входите! — говорю я, и мой голос звучит уверенно, но мягко, как положено.

Дверь открывается. В кабинет заходит моя постоянная клиентка, Ольга. Женщина лет сорока, всегда собранная. Мы работаем с ней над проблемой тревожности уже некоторое время. Сегодня она выглядит особенно хрупкой.

— Добрый день, Алиса..., — говорит она, занимая место в кресле. Ее пальцы теребят ремешок сумки.

— Добрый день, Ольга. О чём мы с вами будем говорить сегодня? — задаю я стандартный, открывающий вопрос, отодвигая блокнот и взяв в руки ручку.

Она смотрит на меня, потом опускает глаза.

— Сегодня я хочу поговорить с вами о предательстве.

Слова падают в тишину кабинета, как камень в стеклянную гладь пруда. По спине прокатывается ледяная волна. Всё внутри сжимается.

“Не сейчас, — умоляю я себя. — Только не сейчас”.

Я откладываю ручку в сторону. Медленно. Чтобы у меня было время собраться. Чтобы моя маска профессионала не сползла.

— О предательстве? — переспрашиваю я, и мой голос звучит заинтересованно-нейтрально. Именно так, как он должен звучать на приеме.

— Да. Я... подозреваю. Нет, я почти уверена, что мой муж мне изменяет. И дело не в моей тревожности.

Её слова — точное эхо моей собственной боли. Они отзываются в душе таким знакомым, таким мучительным звоном, что мне хочется вскочить и крикнуть:

“Я знаю, каково это! Я вас понимаю!”

Но я не могу. Я психолог. А она пришла за помощью.

Я делаю глубокий, незаметный вдох. Беру себя в руки с силой, которую раньше в себе не подозревала. Я отделяю ее историю от своей. Я помещаю свою боль в герметичный бокс и отодвигаю его в самый дальний угол сознания.

— Хорошо, — говорю я спокойно. Мои руки лежат на коленях, не дрожат. — Давайте поговорим об этом. Расскажите мне, что происходит? С чего начались ваши подозрения?

И я слушаю. Внимательно, кивая в нужных местах, задавая уточняющие вопросы. Я профессионал. Но внутри, в том самом боксе, моя собственная боль бьётся о стены. Сегодня я не могу позволить ей вырваться. Сегодня я должна быть сильной для другой женщины, которая, как и я, только что обнаружила, что ее мир построен на песке.

Глава 18

Алиса

Возвращаюсь домой. Голова гудит от слов клиентки, от её метаний, от тех “знаков”, которые она стала замечать за мужем. Новые пароли на телефоне, участвовавшие “корпоративы”, равнодушие в постели, запах чужих духов.

Я анализирую её слова, как компьютерную программу, выискивая паттерны, но всё время упираюсь в стену. У нас не было ничего. Абсолютно. Максим не стал осторожнее или скрытнее. Он просто... жил двойной жизнью так уверенно, так беззаботно, что даже не считал нужным скрываться. Его уверенность была его лучшей маскировкой.

Снимаю обувь в прихожей. На кухне слышу шум воды. Потом звон тарелок. Сердце на секунду замирает. Делает болезненный, радостный скачок.

Артём.

Мысль пронзает всё нутро, задевая какую-то глубокую, нежную струну. Наверное, он всё же вернулся. Не выдержал. Соскучился. Понял.

На ходу разматываю шарф, почти бегу на кухню, и... застываю на пороге.

У плиты стоит Максим. Он помешивает что-то в сковородке, его движения спокойные, привычные. Словно он стоит здесь каждый вечер, все последние годы. Словно вчера не было его ухода, не было его слов, не было этой пустоты.

Он слышит мои шаги, оборачивается. На его лице обычная, домашняя улыбка.

— О, привет! Уже вернулась?

Я на мгновение теряюсь. Мозг отказывается обрабатывать картинку. Он здесь. Он готовит. Он улыбается.

— Что ты... что ты тут делаешь? — наконец выдавливаю я, снимая шарф и медленно опускаясь на стул, потому что ноги вдруг становятся ватными.

— Готовлю ужин, — просто отвечает он, снова поворачиваясь к плите. — Подумал, что ты придёшь и захочешь поесть.

— Максим, — говорю я, и мой голос звучит равнодушно. — Я спрашиваю тебя не об этом. Зачем ты вернулся сюда? Где Артём?

Он вздыхает, как вздыхает человек, которого отрывают от важного дела по пустяку. Откладывает деревянную лопатку, поворачивается ко мне, опираясь о столешницу.

— Алиса, он на тренировке. Ты разве забыла его расписание?

— Тогда что здесь делаешь ты? — спрашиваю я, не отрывая от него взгляда. — Разве не ты вчера устраивал сцены с тем, что я ненормальная и рушу семью?

Он смотрит на меня несколько секунд, снова тяжело вздыхает, но уже по-настоящему, с какой-то показной усталостью.

— Алиса, давай поговорим спокойно. С того дня, как ты всё узнала, прошло достаточно времени, чтобы ты пришла в себя и посмотрела на ситуацию... без эмоций.

Я не перебиваю его. Просто сижу и слушаю. Смотрю на этого человека, который считает, что может диктовать мне, когда мои эмоции уместны, а когда нет.

— Поэтому давай посмотрим правде в глаза, — продолжает он, выключает газ под сковородой и... опускается на корточки прямо передо мной. Точь-в-точь, как делал всегда, когда извинялся, когда осознавал, что виноват. Этот жест раньше растрогал бы меня до слез. Сейчас он вызывает только ледяное отвращение.

Он пытается взять мои руки в свои, но я резко освобождаю их и скрещиваю на груди.

— Хорошо, ладно, я тебя понял, — говорит он, отступая на сантиметр, но оставаясь в этой унижительно-приниженной позе. — Но, Алис, давай посмотрим правде в глаза. Ты не молодая. Я тоже. У нас взрослый сын, который сейчас страдает из-за нас обоих.

— Из-за тебя, — чётко поправляю я. — Он страдает потому, что его отец решил, что одной семьи ему мало, и он завел себе вторую. И не просто любовницу. А сделал ей ребёнка.

Я вижу, как он чуть опускает голову, как прикрывает глаза на долю секунды. Знакомый жест. Признак того, что он пытается держать себя в руках, сдерживать раздражение.

— Хорошо, пусть будет так, — говорит он, поднимая на меня взгляд. В нём нет раскаяния. Есть вымученное терпение. — Я не отрекаюсь от этого. Не отказываюсь. Я честно тебе во всём признаюсь. Да, у меня есть другая женщина. И да, у нас с ней растёт дочь.

Каждое его слово, как удар тупым ножом. Он говорит об этом так... буднично.

— Но успокойся. Давай не будем нагнетать ситуацию. Между нами всё останется как было. Мы будем также ужинать вместе, будем болеть за нашего сына на соревнованиях, будем выбирать ему подарки на дни рождения и проводить время вместе. От того, что ты... всё узнала, ничего не изменится. Кроме того, что теперь у тебя есть эти знания.

Я смотрю на него. Внимательно, изучающе. И понимаю. Он не просто считает меня слабой. Он считает меня полной дурой. Он искренне верит, что может произнести эту чудовищную, циничную речь, и я проглочу ее. Смирюсь. Эта мысль не вызывает ярости. Она зажигает во мне новый огонь.

— Алиса, посмотри на меня, — говорит он, и в его голосе звучит что-то вроде старой, привычной нежности. Фальшивой, как и все его слова. — Успокойся. Всё останется как было. Если бы я хотел от вас уйти, то ушел бы давно. Сразу, как узнал о ее беременности. Или как только связался с ней и впервые переспал. У меня же было множество шансов.

“Впервые переспал”.

Эти слова въедаются в сознание, оставляя кислотный ожог. Это было не раз. Не случайность. Они спали регулярно. И оба явно понимали, чем всё это может закончиться.

— А раз я тут, — продолжает он, будто делая мне одолжение, — значит, меня всё устраивает. Значит, я не хочу развода. Ну, пойми ты это. Я же мог уйти, если бы хотел. Тем более еще не поздно все исправить. Давай все нормально обсудим и решим. Я еще могу поговорить с Артёмом и объяснить ему все. Он послушает меня. Вернется и мы будем жить все вместе, как и раньше.

В горле встаёт плотный, удушающий ком отвращения. Я откашливаюсь, чтобы прочистить горло.

— А меня ты спросить не хочешь? — говорю я тихо, но так, что он замирает. — Поинтересоваться, устраивает ли меня это? Согласна ли я жить с тобой, спать с тобой в одной постели, готовить тебе завтраки, и знать о том, что где-то там ходит еще одна женщина, которая ложится с тобой в кровать и, которая готовит тебе завтраки.

— Алиса...

— Нет, Максим, — перебиваю его, и мой голос впервые за этот разговор звучит громко и чётко. — Если ты ещё не понял, то меня это не устраивает. Мне это не по душе. У меня есть самоуважение. И если ты хочешь жить подобным образом на две семьи, то тебе стоит поискать кого-то другого на роль своей жены. Тем более, у тебя уже есть кандидат на эту... “вакансию”.

Его лицо меняется. Мгновенно. Всё показное терпение слетает. Глаза становятся холодными.

— Алиса, — его голос грубеет, становится резким. — Не говори так о ней. Она мать моей дочери.

— А я мать твоего сына, если ты забыл.

Я поднимаюсь на ноги. Теперь он смотрит на меня снизу вверх, всё ещё сидя на корточках. И в его взгляде я впервые вижу не раздражение, а настороженность. Он не ожидал такого отпора.

— Алиса, не глупи, — говорит он, тоже поднимаясь. — Ты же понимаешь, что Артём останется со мной. У него есть право голоса и в суде...

— Я понимаю, — обрываю я его. — Я понимаю и то, что у него есть право голоса, и то, что он выберет тебя. Потому что он с рождения тянулся к тебе. Но это не повод забывать о себе. И о своей гордости. И знаешь, он любит тебя всем сердцем. А вот что насчёт тебя? Ты действительно готов принять его в свою новую семью? Жить с ним, со своей любовницей и вашей дочерью, под одной крышей? Или ты это делаешь, чтобы досадить мне?

— Алиса..., — он тянется ко мне, но я отшатываюсь.

— Ты говоришь мне задуматься о разводе, о том, готова ли я потерять сына. Нет. Не готова. К такому нельзя быть готовой, тем более когда узнаешь правду вот таким образом. Но подумай и ты. Ты и твоя любовница. Вы готовы к тому, что Артём переедет жить к вам? Что-то я сомневаюсь, что она с радостью будет ждать его там. Потому что ей на него плевать. И я, в отличие от тебя, это понимаю.

— Алиса, хватит!

— Нет, не хватит, Максим. Уходи. Мы с тобой в любом случае разведёмся. Хочешь ты этого или нет. А что до Артёма, то я очень надеюсь, что в нем еще проснется сознательность и он увидит настоящую реальность, а не ту, которую ему навязываешь ты.

— Я не дам своего согласия развод! — вспыхивает он, и в его глазах загорается уже знакомая, опасная ярость.

Я смотрю на него без страха. Только с презрением.

— А оно и не потребуется. Твое согласие потребовалось бы только если бы мы подавали на развод через ЗАГС. А нам этот вариант не подходит. Потому что у нас есть несовершеннолетний ребёнок. Так что можешь хоть сколько говорить, что ты против. Нас всё равно разведут. Потому что я не буду терпеть подобное отношение к себе, — я делаю шаг вперёд, заставляя его отступить к плите. — А теперь, — говорю я, глядя прямо ему в глаза, — вернись в ту квартиру, откуда ушёл. Здесь я тебя точно не хочу видеть.

Он стоит, сжимая и разжимая кулаки. Его лицо искажено злостью и недоумением. Он не может поверить, что его план прийти, накормить, поговорить “по-взрослому” провалился так сокрушительно. Что его “разумные” доводы разобьются о моё твёрдое “нет”.

Он молча смотрит на меня ещё секунду, потом резко разворачивается, хватая со стола ключи и идет к выходу.

Я остаюсь стоять на кухне. Рядом на плите дымится недоготовленный им ужин. Он думал, что придёт и всё вернётся на круги своя. Но круги эти сломаны. И я не собираюсь их чинить.

Глава 19

Алиса

Не успеваю я вернуть кухню в первозданный вид, как в дверь снова стучат. Закатываю глаза от невыносимой усталости, но всё же иду открывать. У меня нет ни малейшей надежды на то, что это вернулся Артём, или мысли о том, что это Максим вспомнил, наконец, что так и не собрал свои вещи. Я просто иду. На автомате. Механически поворачиваю ручку.

И замираю.

На пороге стоит она. Та самая женщина, которая целовала моего мужа под козырьком подъезда элитного ЖК, пока он держал на руках их маленькую дочь. Вблизи она кажется еще моложе. Лицо кукольное, ухоженное. На ней дорогое, но скромное пальто, строгие брюки бежевого цвета с идеальными стрелками. Она пахнет тем же парфюмом, который я уловила в тот день.

— Да уж, не думала, что мне будет так сложно вас отыскать. Райончик у вас, конечно, так себе, — говорит она с легкой, светской улыбкой. — И это получается, что столько лет Максим жил вот..., — она обводит пальцем дверной косяк, — здесь? — заканчивает она с явным, нескрываемым пренебрежением, оглядывая наш обычный, не пафосный подъезд.

Я смотрю на нее с полным ледяным равнодушием. Внутри не бушует ни ярость, ни ненависть. Есть только усталое недоумение и ворох вопросов, крутящихся в голове.

Зачем? Зачем она здесь? И откуда знает адрес?

Кажется, она видит этот немой вопрос в моих глазах.

— Да вы не смотрите на меня так, — спокойно говорит она, делая маленький шаг вперед. — Ваш адрес я у Максима в паспорте посмотрела. Прописка. Думала, попаду — не попаду. И надо же, попала. Не пригласите войти?

Она делает ещё шаг в мою сторону, но я расставляю руки в стороны, мягко, но недвусмысленно блокируя ей проход в свою квартиру. В своё убежище, которое он уже осквернил. Её я уж точно не пущу. Слишком много чести будет.

— Увы, но нет. Я не люблю незваных гостей. Особенно таких, как вы.

— Ой, да ладно вам, — она фыркает, будто мы с ней закадычные подружки, которые дурачатся. — Мы же, можно сказать, почти родственники.

— Думаю, вы не там ищите родственников, — мой голос настолько холодный, ровный и безжизненный, что я сама покрываюсь от него мурашками. Я ещё никогда не слышала его таким.

Она слегка морщится, но улыбка не сходит с её лица. Хорошо сыгранная роль уверенной в себе молодой женщины.

— Ладно, я вас поняла. Пусть будет по-вашему, — говорит она и продолжает, как будто зачитывая заученный текст. — Мы с вами можем быть цивилизованными. Давайте спокойно всё обсудим. Как есть. Раз уж вы узнали, что у Максима есть ещё и мы с дочкой.

Ее спокойствие — удар ниже пояса. Я цепенею. Она стоит на пороге моего дома, который она же и помогла разрушить, и предлагает “цивилизованно все обсудить”.

Я ловлю себя на странной, щемящей мысли: “Я ей почти завидую”. У неё есть иллюзия. Иллюзия того, что всё идёт по плану, что она главный приз, ради которого мужчина вот-вот оставит свою надоевшую жену. Она не видит того Максима, который час назад умолял меня здесь же, на кухне, сохранить наш брак. Она живёт в своём розовом, глупом мирке.

— А нам разве есть что обсуждать? — спрашиваю я, не двигаясь с места.

— Конечно, есть! — оживляется она. — Например, мы можем обсудить, как теперь Максим будет распределять своё время между нами, раз уж вы всё знаете. Не будет же он больше прикрываться работой и совещаниями, уделяя нам лишь крохи своего времени. Теперь он

может жить открыто. А еще мы можем обсудить, где он будет жить. И было бы неплохо понять уровень его зарплаты, на которую я могу рассчитывать. Ну, не я, конечно, — она наигранно смеется, прикрывая рот ладонью, — а наша дочка. Вы же понимаете, она растёт, развивашки, одежда... столько всего нужно. А это такие суммы, просто невозможно.

Я слушаю этот поток сознания, и во мне медленно, но верно начинает закипать что-то новое. Не боль. Не отчаяние, а брезгливость. И глубочайшее, всепоглощающее презрение.

— Ну, во-первых, — начинаю я так же спокойно, — я никак не претендую на его время. Так что можете быть спокойны. Во-вторых, его место жительства уже некоторое время отличается от того, что вы так заботливо обнаружили в его паспорте.

Её глаза округляются от искреннего непонимания. Она не знает. Он ей не сказал. Не поделился тем, что он живёт в нашей второй квартире. Интересно, что он ей вообще говорит?

— А в-третьих, — я делаю паузу для пущего эффекта, — претендовать на его зарплату вам всё же не стоит. Для начала она всё ещё считается семейным бюджетом. И единственное, на что вы сейчас можете рассчитывать, так это на алименты. А раз Максим не горит желанием разводиться и говорит об этом открыто, то я думаю, что и алименты вы будете видеть далеко не такие, на которые вы рассчитываете. Не вы, конечно, — добавляю я, бросая ей её же слова обратно, — а ваша дочь. Развивашки, одежда... Не так ли?

Она слегка отшатывается, будто я плюнула ей в лицо. Всё её напускное спокойствие и светскость мгновенно испаряются. Лицо напрягается, глаза становятся колючими, у глаз появляются морщинки.

— Что вы имеете в виду? — её тон меняется. Из интеллигентной беседы наше общение перетекает во что-то гораздо более привычное и настоящее.

— Я имею в виду именно то, что вы слышите. Максим не хочет разводиться. Вы же должны понимать, что если бы мужчина хотел уйти из семьи, то он бы не мариновал вас с дочкой столько лет.

— Не может быть! — вырывается у нее. — Он обещал! Он сам мне говорил!

И вот она, правда. Она прорывается сквозь маску её напускного спокойствия. Она ведёт себя уже не нагло, а отчаянно.

— Ты ничего не знаешь! — шипит она, переходя на “ты”. — Ты всего лишь была ему женой, а я женщиной! Он скучает по мне, когда мы долго не видимся! А ребёнок... у нас уже есть дочь! Он нас не оставит, так что я уверена, что Максим бы так не поступил с нами! Так что не нужно сейчас говорить мне о том, что он против развода! Он не против! Он просто не мог сказать вам правду, а сейчас всё стало ясно, и он разведется! Он обещал нам!

“Обещал”.

Вот оно. Золотой ключик, на который она купилась. Он кормил её обещаниями, а она строила воздушные замки, растила дочь и ждала. А теперь пришла делить шкуру неубитого медведя. Моего мужа. Мой бывший дом. Мои деньги.

— Конечно, разведется, — соглашаюсь я, и мое спокойствие, кажется, сводит ее с ума еще сильнее. — Я же не спорю. Только разведут нас без его согласия. И по моему требованию. А вам... вам лучше стоит подготовиться к тому, что есть огромная вероятность того, что он после развода не побежит напрямик к вам.

— Он не такой! — почти кричит она, и ее голос эхом разносится по подъезду. Ее лицо краснеет. — Он честный, ответственный и умеет держать слово!

Я смотрю на неё, и во мне просыпается что-то вроде жалости. Смешанной с тем самым презрением.

— Да-да, — киваю я. — Именно поэтому у него есть любовница и ребенок на стороне. Всё потому, что он честный и ответственный. И, конечно же, он держит своё слово. Только перед кем? Перед вами? Обещал жениться? Обещал оставить меня? Посмотрите вокруг. Где

он? Он с вами? Нет. Он где-то решает свои проблемы. А вы здесь, у моей двери, пытаетесь выбить из меня то, что он вам так и не дал.

— Вы... ты... ты..., — она задыхается от злости, не в силах подобрать слов.

— Я. Вы правы. И вы стоите на пороге моей квартиры. Я так понимаю, мне нужно подсказать вам дорогу к выходу? Или вы все же сами ее найдете? — спрашиваю я, не повышая голоса.

Она смотрит на меня горящими ненавистью глазами. Кажется, она рассчитывала на другой исход. На то, что я буду рыдать, умолять, просить её уйти. Или, на худой конец, испуганно соглашусь на её условия. Но не на это ледяное, беспощадное равнодушие.

Она резко разворачивается и, не сказав больше ни слова, идет к лифту. Её каблуки отчаянно стучат по кафельному полу.

Я закрываю дверь. Поворачиваю ключ. Прислоняюсь к ней лбом.

Внутри пусто и тихо. Меня больше не касается, как живет мой муж и его любовница. Вот только она, судя по всему, мечтает, совершенно о другой роли в его жизни.

Глава 20

Алиса

Сегодняшняя ночь перед встречей с адвокатом выдалась бесконечной. Я просыпалась раз пять, каждый раз с ужасом глядя на часы и проваливаясь обратно в тревожную полудрему. В голове крутилось одно... сегодня будет запущен механизм, который уже не остановить. После этого разговора обратного пути не будет.

Я стою перед открытым шкафом уже двадцать минут, чего со мной никогда не было. Рука тянется к строгому черному костюму, но я ее одергиваю. Слишком официально. Потом к мягкому свитеру, но это, кажется, слишком расслабленно. Он подумает, что я несерьезно отношусь к делу. В итоге надеваю темно-синее скромное платье и белый пиджак.

Мне нужно успеть к адвокату, а потом сразу на работу. Клиенты ждать не будут. Я не могу позволить себе разгрузить расписание. Не сейчас, когда еще неизвестно, сколько денег уйдет на развод.

Выхожу из дома. Машина заводится с пол-оборота, привычно, надежно. Я еду по знакомым улицам, и они кажутся чужими.

Офис адвоката находится в старом центре, в здании с лепниной и высокими потолками. Паркуюсь за два квартала, потому что ближе мест нет. Иду пешком. Холодный ветер, пробирает до костей, хотя на мне теплый пуховик. Ноги несут меня к дверям, но перед самой дверью я останавливаюсь.

Стою, как столб, посреди тротуара и не могу сдвинуться с места. Люди обходят меня со всех сторон. Кто-то недовольно оглядывается. А я не могу сделать этот последний шаг. В груди полный вакуум. И страх. Потому что за этой дверью конец. Конец иллюзиям. Конец той жизни, которую я знала. Конец надежде, что всё как-то само рассосётся.

— Алиса, соберись, — говорю я себе. — Ты профессионал. Ты сама учишь людей не бояться принимать решения. Сделай этот шаг.

Я делаю шаг. Потом ещё один. Толкаю дверь.

Внутри тепло и пахнет кофе. Приёмная выдержана в спокойных бежевых тонах, на стенах висят абстрактные картины, на столике лежат свежие журналы по праву. За стойкой сидит милая девушка с приветливым лицом, но при виде меня, она поднимается.

— Здравствуйте, — говорю я, и голос слегка дрожит. — Я записывалась на консультацию.

— Здравствуйте. Алиса Семеновна, верно? — она сверяется с монитором и улыбается дежурной улыбкой.

— Да, это я.

— Проходите, пожалуйста. Вас уже ожидают.

Я смотрю на часы над её головой. Я опоздала на пять минут. Всего на пять, но для меня это вечность.

— Спасибо.

Иду к двери с табличкой: “Аркадий Викторович Соболев, адвокат по семейным делам”. Стучу. Сердце колотится где-то в горле.

— Войдите, — слышу в ответ, низкий спокойный голос.

Вхожу. Кабинет просторный, но строгий. Темное дерево, кожаное кресло, стеллажи с юридической литературой. Никаких личных фотографий, никакой мишуры. Только рабочий стол, ноутбук, стопки папок. А из окна открывается вид на старую часть города, но сейчас небо серое, и вид кажется мрачным.

— Простите за опоздание, — говорю я, проходя к столу.

Подтянутый мужчина лет сорока пяти в идеально сидящем костюме поднимается. В нём чувствуется какая-то надежность, спокойная сила. Он не улыбается, но взгляд не сканирующий, а, скорее, изучающий. Оценивающий ситуацию, а не меня.

— Проходите, садитесь, — он жестом указывает на кресло напротив себя. — Опоздание на пять минут — не критично. Кофе, чай, вода?

— Воду, пожалуйста, — прошу я, занимая место.

Он кивает, нажимает кнопку селектора, просит принести воду. Потом садится сам, откидывается на спинку кресла, но не расслабленно, а собранно.

— Алиса Семёновна, давайте сразу к делу. Расскажите мне про вашу ситуацию. Максимально подробно, ничего не упуская. Даже то, что вам кажется совершенно не важным.

Я делаю глубокий вдох. И начинаю. Рассказываю про Максима, про то, как узнала, про его вторую семью, про дочь, про его отказ разводиться. Голос срывается пару раз, но я держусь. Аркадий Викторович слушает молча, изредка делая пометки в блокноте. Но его лицо остается непроницаемым.

В дверь стучат, заходит секретарь, ставит передо мной стакан воды. Я делаю глоток, чтобы смочить пересохшее горло.

— И каковы ваши намерения, Алиса Семёновна? — спрашивает он, когда я заканчиваю. — Чего вы хотите добиться?

— Я хочу получить развод, — говорю я твердо, удивляясь собственной уверенности. — И я бы хотела, чтобы наш сын остался со мной. А потом..., — я делаю паузу. — Потом хочу все это закончить окончательно. Разделить то, что было нами нажито и наконец-то разойтись, чтобы больше не пересекаться.

Адвокат кивает, откладывает ручку.

— Понимаю. Но, давайте сразу расставим все точки над i. По поводу развода... здесь проблем не будет. Даже если муж против, при наличии оснований и вашего твёрдого желания суд расторгнет брак. Даже если он будет возражать на каждом заседании. Это вопрос времени и нервов, но не принципа.

Он делает паузу, и я чувствую, что сейчас прозвучит, то самое злополучное “НО”, которое всегда все портит.

Глава 21

Алиса

Я смотрю на него в ожидании того, что он скажет дальше, и, кажется, даже не дышу.

— Но что касается сына..., — начинает он, внимательно глядя на меня. — Ему пятнадцать. По закону суд обязан учитывать мнение ребенка, достигшего этого возраста. Если Артём заявит, что хочет жить с отцом, суд, скорее всего, встанет на его сторону. При условии, что отец сможет обеспечить ему нормальные условия жизни, конечно. Но, судя по вашему рассказу, Максим финансово состоятелен. Это будет ваш главный риск.

Эти слова, как удар под дых. Я знала это, Катя говорила мне. Да и я сама читала об этом в интернете, но услышать это от профессионала — совсем другое. Воздух в легких заканчивается. Отчаяние подкатывает к горлу горькой волной.

— Но..., — начинаю я, и голос предательски срыгается. — Но он же мой сын. Я его мать. Я всегда была рядом. А Максим... у него теперь другая семья. Он ему не нужен. Это временная мера. Он просто хочет растоптать меня, унижить, показать, что я пустое место. А Артём... он же ребёнок. Как он сможет...

— Алиса Семёновна, — мягко перебивает он. — Я понимаю ваши чувства. Правда, понимаю. Но давайте будем реалистами. Пятнадцатилетний подросток — это уже почти взрослый человек со своими представлениями о справедливости. Если отец смог убедить его в своей правоте, если сын идеализирует отца, а это часто бывает в этом возрасте, то он может выбрать его. Даже вопреки очевидной для вас логике. Суд не будет препятствовать, если у вашего мужа вторая семья. Суд спросит самого Артёма. И его слово будет решающим.

Я молчу. Сжимаю стакан с водой так, что пальцы белеют. Мысль о том, что я могу потерять сына юридически, что он может остаться с этим человеком, который предал нас, парализует.

— Но я... я же могу что-то сделать? — спрашиваю я едва слышно. — Доказать, что он оказывает на него давление? Что он манипулирует?

— Можете, — кивает адвокат. — Если у вас есть доказательства давления, угроз, подкупа — это может повлиять на решение суда. Но это сложная категория дел. Подросток может не подтвердить ваши слова, может сказать, что сам так решил. И доказать обратное будет почти невозможно.

Он даёт мне минуту, чтобы переварить. Я смотрю в окно на серое небо. Всё внутри сжимается от страха.

— Но не будем отчаиваться раньше времени, — добавляет он чуть теплее. — Мы будем готовиться. Соберем максимум информации о нём, о его образе жизни. Будем апеллировать к тому, что наличие второй семьи и ребёнка на стороне может негативно влиять на психологическое состояние подростка. Подадим ходатайство о психолого-педагогической экспертизе. Это не гарантия, но шанс. Бороться нужно. Просто будьте готовы к тому, что исход может быть любым.

Я киваю. Что ещё мне остаётся?

— Хорошо. Я вас поняла.

— Давайте посмотрим, что у нас есть, — он протягивает руку. — Вы говорили, у вас есть список?

Я достаю из сумки свой блокнот, тот самый, с наспех набросанными пунктами. Разворачиваю и протягиваю ему. Адвокат берет, надевает очки, внимательно изучает.

— Неплохо, — наконец говорит он. — Основные пункты учтены. Адвокат, документы, заявление, определение места жительства, алименты, раздел имущества. Но давайте я вам объясню, как это будет работать, если мы заключим договор.

Он откладывает мой блокнот, открывает свой.

— Я беру на себя львиную долю этой работы. Сбор документов, подготовка исковых заявлений, взаимодействие с судом, с вашим мужем и его адвокатом. Вы не должны будете погружаться во все эти детали, если не захотите. Я буду держать вас в курсе, консультировать на каждом этапе. Ваша задача — быть на связи, предоставлять информацию, когда я попрошу, и... держаться. Потому что морально это будет тяжело. С юридической частью я справлюсь без вашей помощи, а что до вашего состояния, то постарайтесь сильно не эмоционировать.

Я смотрю на него и впервые за последние дни чувствую что-то вроде облегчения. Кто-то берёт на себя этот груз. Кто-то знает, что делать.

— А раздел имущества? — спрашиваю я. — У нас квартиры, машины...

— Это отдельная история. Она потребует времени и усилий, особенно если он будет прятать активы. Но у меня есть огромный опыт в таких делах. Мы запросим выписки, будем искать, что он выводил, на что тратил. Сможем претендовать на половину всего, что нажито в браке. Включая те средства, которые он тратил на свою вторую семью. Их можно оспорить как нецелевое использование семейного бюджета.

Он говорит это так спокойно, буднично, словно речь идёт о покупке продуктов. А для меня это возможность выжить.

— И сколько это все стоит, — говорю я. — Ваши услуги. Расходы на суд, госпошлины.

— Если вы решите, что я вам подхожу, секретарь подготовит договор и озвучит стоимость конкретно моих услуг и отдельно пропишет все, что будет касаться суда. Обычно я сам все это оплачиваю. Сумма уже входит в стоимость моих услуг, но если вам будет удобнее заняться этим самостоятельно, то можете и вы.

— Нет. Я бы хотела как можно меньше с этим соприкасаться.

— Хорошо. Вы в любом случае можете ещё подумать. Но если хотите мой совет, то не затягивайте. Чем быстрее начнём, тем быстрее закончим. И дело не в моей выгоде, а исключительно в вашей возможности начать действовать на опережение.

Я смотрю на него. На этого холодного, но не бездушного человека. И принимаю решение.

— Я согласна. Давайте начинать.

Он кивает, что-то помечает в своих бумагах.

— В таком случае, секретарь сегодня подготовит договор. Вы сможете заехать подписать? Или мы можем выслать его вам на почту и подпишем дистанционно.

— На почту было бы прекрасно.

Я поднимаюсь. Ноги дрожат, но я стою.

— Алиса Семёновна, — говорит он, когда я уже у двери. — Я понимаю, как вам сейчас тяжело. И я понимаю ваш страх за сына. Но помните, что даже если он выберет отца сейчас, это не навсегда. Подростки часто меняют решения. Через год он может вернуться к вам. И тогда его мнение снова будет учитываться. Не теряйте надежду. И не теряйте связь с ним, что бы ни случилось.

Я киваю. Слова адвоката падают в пустоту, но почему-то не разбиваются, а остаются где-то внутри маленьким тёплым якорем.

Выхожу на улицу. Воздух холодный, бодрящий. Я иду к машине, и мысли снова возвращаются к Артёму. Если он выберет отца... если он захочет остаться с ним... я не смогу ничего сделать. Суд будет на его стороне. Эта мысль разъедает изнутри.

Я сажусь в машину, сжимаю руль. В глазах щиплет, но слёз нет. Наверное, они закончились. Или просто спрятались где-то глубоко, чтобы не мешать.

Артём имеет право выбора. И я не могу, не имею права давить на него, уговаривать, манипулировать, как это делает его отец. Если я начну, я стану такой же, как Максим. А я не хочу. Я хочу остаться собой. Даже если это значит, что надо отпустить сына, которого я безумно люблю.

Это будет его выбор. И я приму его. Какой бы болью он не обернулся.

Завожу машину. Еду на работу. Обычный маршрут, обычные улицы. Только внутри всё перевернуто.

Паркуюсь у знакомого здания. Выхожу. В холле меня сразу окружают коллеги. У них круглые взволнованные глаза. Администратор Юля подлетает первой.

— Алиса! Там к тебе пришли! — шепчет она, как будто сообщает государственную тайну.

— Кто? — спрашиваю я, снимая пальто. Сверяюсь со временем. До записи еще есть время. Обычно мои клиенты не приходят настолько рано.

— Она по записи, но пришла раньше времени и..., — Юля оглядывается, понижает голос до шепота. — Она ведёт себя так, словно она королева. Сидит, ногу на ногу закинула, на нас даже не смотрит. Мы предложили ей чай, а она так брезгливо: “Воды, только бутилированной”. Алиса, кто это?

Я смотрю на неё, потом перевожу взгляд на экран ноутбука, который они разворачивают ко мне. В списке записей на сегодня значится: Тамара Ивановна. Время приёма через двадцать минут.

Ухмыляюсь. Снова она. Решила нанести ответный визит. Обложить меня со всех сторон, добить, убедиться, что я сдалась. Видимо, вчерашний разговор с ее дочкой не принёс желаемого результата, и они решили подключить тяжелую артиллерию.

— Спасибо, девочки, — говорю я спокойно. — Всё в порядке. Это... моя близкая знакомая.

Настолько близкая, что можно сказать: "Родня", — горько усмехаюсь про себя.

Они переглядываются, но не спорят. Я прохожу к своему кабинету, останавливаюсь перед дверью, перевожу дух. Ну что ж, Тамара Ивановна? Пришла пора поговорить начистоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.